

РЕФАКТИВ И СМЕЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ¹

1. Введение

1.1. Общие замечания

Настоящая работа посвящена одной относительно периферийной группе глагольных деривационных значений — *рефактивным* значениям. Рефактивными² здесь и далее называются значения, включающие по крайней мере один из следующего набора компонентов: однократное повторение ситуации ('опять, еще раз'), возвращение к прежнему состоянию ('опять, как прежде') или к прежней точке в пространстве ('обратно, туда, где был ранее'). Значения рефактивной зоны в языках мира по-разному и с разной степенью подробности классифицируются в базе данных «Verbum»³ В. А. Плунгяна, в [Шлуинский 2005: 67–76; Wälchli 2006: 74–78]. Отдельные предложения по классификации рефактивных значений содержатся в работах, посвященных семантике рефактивных показателей в конкретных языках: например, в [Lichtenberk 1991] (океанийские языки), [Аркадьев рукопись] (адыгейский язык), [Evans 1995] (майали), ср. также обширную литературу по семантике рефактивных наречий в языках Европы: [von Stechow 1996; Fabricius-Hansen 2001; Tovená, Donazzan 2008] и многие др.

Рефактивные значения очевидным образом не принадлежат в точности ни к одной из трех традиционно выделяемых больших семантических зон основных глагольных значений — модальной, темпоральной и аспектальной. К последней, тем не менее,

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №12-34-01255.

² На данный момент, как кажется, не существует общепринятого термина для обозначения данной группы значений. Удачный термин «рефактив» (см. [Мельчук 1998: 402]) используется практически исключительно в русскоязычных работах. В англоязычных работах чаще всего встречается термин *repetitive*, иногда для обозначения данного круга значений также используются такие термины, как *итератив*, *реитератив*, *семель-итератив*, *вертитив*.

³ <http://www.mccme.ru/ling/verbum.html>.

они — как указывающие на одну из модификаций структуры ситуации — оказываются несколько ближе: неслучайно, например, во многих традиционных грамматиках категория рефактива описывается как один из глагольных «видов» (ср., например, описание рефактивного суффикса *-gi* в нанайском языке как показателя «вида противоположности и повторности действия» в грамматике [Аврорин 1961: 54] в разделе «Категория вида»). Часто рефактивные значения, в противоположность «собственно видовым», рассматривают вместе с такими деривационными значениями, как интенсивность, начинательность, скорость совершения действия, объединяя этот, достаточно разнородный конгломерат значений аспектуальной периферии под терминами *совершаемость*, *способ действия*, *Aktionsart* (ср., например, описание рефактивной приставки *пере-* в русском языке в терминах «совершаемости» и «способа действия» в [Исаченко 1960] и [Мельчук 1998: 402]).

В данной работе предпринята попытка более точно установить место рефактивных значений в общей системе глагольных значений на основании типологических данных, прежде всего данных о *полисемии* рефактивных показателей, совмещающих рефактивное значение со значениями, принадлежащими к другим семантическим зонам (глагольной ориентации, глагольной множественности, аспекта, актантной деривации и др.). В тех случаях, когда это оказывается возможным, в качестве вспомогательных привлекаются также диахронические данные по грамматикализации соответствующих значений в рефактивные или рефактивных значений в значения других семантических зон.

Проблемы, связанные с внутренней структурой семантической зоны рефактива, в данной работе подробно не рассматриваются. Необходимые для дальнейшего описания типов полисемии рефактива краткие сведения о разновидностях рефактивных значений и семантических типах рефактивных показателей приводятся в разделе 1. Далее рассматриваются исключительно случаи совмещения того или иного из рефактивных значений (а чаще — кластера из нескольких значений) со значениями заведомо внешними по отношению к рефактивной семантической зоне, — такими, что:

а) они совмещаются с рефактивными значениями достаточно редко (по сравнению со случаями совмещения рефактивных значений друг с другом);

б) их связь с рефактивной зоной неочевидна и требует специального объяснения (подобные объяснения также являются задачей данной работы).

Естественно, в том, какие значения относить к частным разновидностям рефактивного, а какие рассматривать как выходящие за пределы рефактивной зоны, но склонные выражаться совместно с рефактивным значением, есть некоторая доля условности.

Во многих языках рефактивное значение может быть выражено только лексически — с помощью наречий (типа русских *опять, снова, заново, еще раз*), но распространен и морфологический способ выражения рефактива — с помощью словообразовательных аффиксов (таких как, например, префикс *re-* в романских языках: ср. франц. *calculer* ‘посчитать’ — *re-calculer* ‘посчитать еще раз, пересчитать’), которые в разных языках характеризуются разной степенью продуктивности и идиоматизации. Промежуточным случаем можно считать выражение рефактивного значения при помощи разного рода аналитических глагольных конструкций — со вспомогательными глаголами, частицами, а также в составе сериальных конструкций. В фокусе данного исследования находятся прежде всего морфологические показатели рефактива, в меньшей степени аналитические глагольные конструкции, данные по наречиям с рефактивным значением привлекаются только в качестве вспомогательных.

Достаточно распространенной является ситуация, когда один и тот же показатель используется как глагольный в рефактивном значении и как неглагольный в некотором другом значении. Самые характерные «именные» значения рефактивных показателей — ‘тоже’, ‘еще один’ (как, например, у рассматриваемой ниже клитики *=chik* в языке сипакапа). Неглагольные употребления рефактивных показателей специально в данной работе не рассматриваются. Они упоминаются только в тех случаях, когда соответствующее значение может выражаться с помощью рефактивного маркера и в глаголе.

Пределом морфологизации рефактивного показателя является, видимо, деривационный глагольный аффикс с практически неограниченной продуктивностью. Языки же, в которых показатель рефактива с очевидностью можно было бы считать словоизменительным, нам неизвестны. Естественно ожидать, что большинство значений, с которыми рефактивное значение вступает в

отношения полисемии, будут принадлежать к той же группе значений продуктивного словообразования или к грамматической периферии. Такие значения достаточно слабо изучены, особенно с типологической точки зрения, что делает задачу данной работы особенно привлекательной, в том числе и для типологии аспектуальных значений.

Материалом для исследования послужили данные грамматических описаний и (в отдельных случаях) специальных работ по семантике конкретных рефактивных показателей. С той или иной степенью подробности рассмотрены данные 119 языков разной генетической и ареальной принадлежности. В выборку вошли языки из всех крупных географических зон — Европы (в том числе Кавказа), Азии, Океании (в том числе Новой Гвинеи), Австралии, Северной, Южной и Центральной Америки. Рассмотренные языки принадлежат к следующим крупным ареально-генетическим объединениям: австралийские (6 языков), австроазиатские (7 языков), австронезийские (28 языков), тунгусо-маньчжурские (3 языка), аравакские (3 языка), индоевропейские (6 языков), атапаскские (6 языков), нигер-конго (30 языков), нило-сахарские (3 языка), нахско-дагестанские (2 языка), абхазо-адыгские (2 языка), сино-тибетские (5 языков), изоляты (4 языка: кваза, мосетен, хуп, ючи), а также по одному языку из следующих семей: араванской, арауканской, мускогской, отомангской, салишской, тайско-кадайской, тупи-гуарани, мяо-яо, хока, чибча, эскимосско-алеутской.

Несмотря на естественное желание представить типологическую картину полисемии рефактива наиболее полно, задачи сделать нашу выборку ареально и генетически сбалансированной все же не ставилось. Это решение продиктовано, во-первых, тем фактом, что нелексический способ выражения рефактивных значений очень неравномерно представлен на множестве языков мира (например, он, насколько нам известно, не встречается ни в одном из тюркских языков). Во-вторых, сбалансированная выборка дает адекватную картину частотности разных типов рассматриваемого явления, но заставляет игнорировать наиболее редкие типы. При этом, поскольку перед нами в первую очередь стояла задача максимально полной инвентаризации типов полисемии и их интерпретации, как раз наиболее редкие (которые, как

правило, оказываются в то же время семантически наиболее нетривиальными) типы полисемии представляли для нас особый интерес. Таким образом, стратегия исследования состояла в том, чтобы включить в рассмотрение максимальное количество доступных данных, стараясь не допускать заметных ареальных и генетических лакун, но и не ограничивая себя требованием строгой сбалансированности выборки.

Работа имеет следующую структуру. Во вводном разделе 1.1 кратко рассматривается внутренняя структура семантической зоны рефактива: перечисляются рефактивные значения, обсуждаются семантические связи между ними и основные типы их совмещения. В разделах 2–6 рассматриваются различные типы полисемии рефактива. Раздел 2 посвящен полисемии рефактива с пространственными значениями, раздел 3 — полисемии с группой периферийных значений глагольной деривации — значениями глагольной множественности, интенсива и реверсива, раздел 4 — полисемии с фазовыми значениями, раздел 5 — полисемии со значениями актантной деривации, раздел 6 — модально-дискурсивным употреблением рефактивных показателей. Раздел 7 представляет собой краткое обобщение представленных в работе данных.

1.2. Структура семантической зоны рефактива

Рефактивные значения с семантической точки зрения объединяет тот факт, что все они, выражая идею однократного повторения или возвращения, содержат отсылку к предшествующей ситуации (или ее фрагменту), в той или иной степени тождественной рассматриваемой; существование такой ситуации является для рефактивов своего рода пресуппозицией. Так, в работах по формальной семантике существует традиция описания рефактивных наречий в рамках класса «presupposition triggers» (ср., например, подробный обзор в [Beck 2005]). В соответствии с этим, в приводимом ниже списке рассматриваемых в работе значений, для каждого из них дается краткое толкование, в которое помимо ассертивной части обязательно включается и пресуппозиция.

В семантическом отношении значения рефактивной зоны распадаются на две группы. Значения первой группы, формирующейся вокруг идеи «однократного повторения», содержат в пресуппозиции информацию о том, что ранее имела место ситуа-

ция, тождественная рассматриваемой. Значения второй группы, формирующейся вокруг идеи «возвращения», содержат в пресуппозиции информацию о том, что ранее имела место ситуация, в том или ином смысле противоположная рассматриваемой. К первой группе можно отнести следующие значения:

- репетитивное значение: ‘сделать еще раз’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее;

(1) ндут (атлантические), [Morgan 1996: 155]⁴

dì daas-aat-te foŋ

3 let-REP-PFV cry

{Она вскрикнула. Все слышали крик.} ‘Она снова вскрикнула’.

- расширенный репетитив (репетитив+): ‘повторение ситуации с другим(и) участником(ами)’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее с другим составом участников;

(2) агульский (нахско-дагестанские, Дагестан)

aw, gi-l-as

qaj-na

aɣp:a,

да DEMG-SUPER-ELAT REP:приходить:PF-CONV потом

abaw.a-n, qa-k'.i-ne

ha-me

ze gada, sult'an

тетя-GEN REP-умирать.PF-PFT ha-DEMM мой сын Султан

‘Да, после этого (после того, как умер Нурудин), дочка, еще умер мой сын Султан’⁵

- реконструктивное значение ‘переделать’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее, но ее результат был признан неудовлетворительным, и потребовалась повторная реализация ситуации;

⁴ Здесь и далее, при цитировании примеров строка глосс оставлена на языке источника, строка перевода дана по-русски. Сокращения наиболее стандартных названий морфологических показателей унифицированы в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования, показатель рефактива везде глоссируется REP, остальные глоссы соответствуют глоссам источника. В тех случаях, когда пример в источнике не сопровождается поморфемным глоссированием, глоссы наши.

⁵ Пример из коллекции текстов, собранной Д. Ганенковым, Т. Майсаком, С. Мердановой.

(3) русский

*Тех, у кого белье было вымыто плохо, заставляли **пере-сти-рывать** его во время отдыха.* [А. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935). НКРЯ ⁶]

- аддитивное значение: ‘делать с дополнительной порцией объекта’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S с (дополнительной) порцией инкрементального объекта X;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее с некоторым (недостаточным) количеством инкрементального объекта X;

(4) кваза (изолят, Бразилия), [Voort 2004: 462]

kui-’e-da-mỹ
 drink-REP-1-VOL
 ‘Я выпью еще!’

- значение рефактивного континуатива: ‘продолжить после перерыва’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S началась ранее, но была прервана;

(5) намиа (сепик-раму, Папуа Новая Гвинея), [Feldpausch, Feldpausch 1992: 94]

par-p-elli-nak-e-le *apinoku*
 REP-PFV-follow-INCOMPL-NONFUT-go tracks
 {Мы постоянно немного} ‘И опять продолжали идти по следам (свиньи)’.

Ко второй группе можно отнести следующие значения:

- р е д и т и в н о е з н а ч е н и е: ‘двигаться обратно’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации движения S из пункта A в пункт B;
 п р е с у п п о з и ц и я: ранее имела место ситуация движения anti-S из пункта B в пункт A;

(6) удэгейский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Nikolaeva et al. 2000: 37]

eme-gi-je, safani, guŋ-ki-ni
 come-REP-IMP enough say-PST-3SG
 ‘Возвращайся домой, достаточно!’

⁶ Примеры с пометой НКРЯ взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgpora.ru).

- реститутивное значение: ‘вернуться в прежнее состояние’:

а с с е р ц и я: реализация ситуации S, характеризующейся переходом из состояния А в состояние В;

п р е с у п п о з и ц и я: ранее имела место обратная данной ситуации anti-S, характеризующаяся переходом из состояния В в состояние А;

(7) французский

Enfin Bury re-leva la tête, parut m’entendre, se souvenir, et partit brusquement dans un rire clair. (A. de Saint-Exupéry. 1939. «Terre des hommes»)

{Бюри хмуро склонялся над тарелкой, он не слышал...}
‘Наконец Бюри словно бы очнулся и услышал меня, **поднял голову** <после того, как опустил> — и рассмеялся’⁷.

- респонсивное значение: ‘делать в ответ’:

а с с е р ц и я: реализация ситуации S с участником X в роли А и участником У в роли В;

п р е с у п п о з и ц и я: ранее имела место ситуация anti-S с участником X в роли В и участником У в роли А, реакцией на которую является рассматриваемая ситуация;

(8) араанда (пама-ньюнга, Австралия) [Wilkins 1989: 277]

re ayenge tw-irtne-ke

3SG.A 1SG.O hit-REP-PST.COMPL

‘Он ударил меня в ответ {после того, как я ударил его}’.

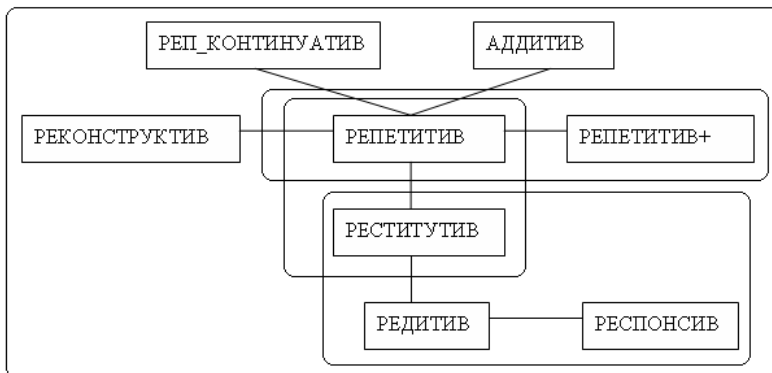
Для выявления семантических связей между перечисленными значениями был проведен анализ употреблений рефактивных аффиксов в 32 языках разной ареальной и генетической принадлежности: для каждого показателя был выявлен круг рефактивных значений по данным употреблений из текстов и/или корпуса примеров из грамматического описания (найденных по всей книге). Дополнительно привлекались менее подробные данные по примерно 150 рефактивным аффиксам. Собранные данные позволяют, во-первых, противопоставить центральные vs. периферийные значения рефактивной зоны. В качестве формального критерия была выбрана частота, с которой то или иное из рефактивных значений отмечалось в выборке. В этом смысле цен-

⁷ Перевод Н. Галь.

тральными оказываются значения редитива, реститутива и репетитива, что, как кажется, вполне соответствует интуиции об их центральном с семантической точки зрения положении среди рефактивных значений. Ср. количественные данные по 32 языкам:

<i>значение</i>	<i>количество</i>
repetitive	28
restitutive	28
reditive	23
additive	11
responsive	10
rep ⁺	7
rep_continuative	3
reconstructive	3

На основании имеющихся типологических данных по распределению значений у конкретных рефактивных показателей, можно предположить следующие связи между значениями рефактивной зоны. Центральные значения репетитива и редитива связаны между собой через промежуточное значение реститутива. Диахронически естественнее всего предположить путь от редитива к реститутиву и далее к репетитиву (ср. о грамматикализации глагола ‘возвращаться’ в показатель повторности [Майсак 2005: 246–249]). Со значением репетитива связаны периферийные значения репетитивного континуатива, аддитива, реконструктива и расширенного репетитива. Со значением редитива — периферийное значение респонсива:

С точки зрения наиболее характерных комбинаций рефактивных значений можно выделить следующие «типы» рефактивных аффиксов.

Самым распространенным является широкий рефактив, совмещающий все центральные значения рефактивной зоны (редитив, реститутив и репетитив) и в некоторых случаях также тот или иной набор периферийных значений.

Для показателей с более узким набором рефактивных значений основная граница проходит между значениями, сгруппированными вокруг идеи возвращения, и значениями, сгруппированными вокруг идеи повторения.

Тип рефактив возвращения включает редитивное, реститутивное и иногда также респонсивное значение.

Тип рефактив повторения включает репетитивное значение в качестве центрального и тот или иной набор периферийных рефактивных значений, непосредственно связанных с репетитивным.

Еще один зафиксированный тип рефактивных показателей можно назвать непространственным рефактивом: из центральных значений он включает репетитивное и реститутивное, но не редитивное значение.

2. Пространственные значения

В данном разделе рассматриваются случаи совмещения рефактивных значений со значениями пространственной зоны. П. 2.1. посвящен более подробному рассмотрению пространственного значения редитива (‘двигаться обратно, в точку отправления’), упомянутого в п.1 как принадлежащее в то же время к рефактивной зоне. В п. 2.2. рассматривается более периферийный тип связи рефактивной зоны с пространственными значениями через значение пролатива (‘двигаться через, сквозь объект’). В п. 2.3. рассматривается полисемия рефактивного значения со значениями сопутствующего движения — ‘делать во время / до / после движения’.

2.1. Редитив и смежные пространственные значения

Основной точкой пересечения рефактивной семантической зоны с зоной пространственных значений является значение редитива (‘двигаться обратно’). Это значение, с одной стороны,

принадлежит к пространственным значениям, с другой стороны, часто совмещаясь в одном показателе со значениями, связанными с однократным повторением и являясь одним из основных диахронических источников подобных значений (см. о грамматикализации глагола ‘возвращаться’ в показатели однократного повторения [Lichtenberk 1991; Майсак 2005: 246–249]), безусловно принадлежит также к собственно рефактивной зоне. В качестве «смежного» значения редитив будет рассмотрен в работе более подробно, чем остальные рефактивные значения, в контексте наиболее близких к нему пространственных значений.

Собственно редитивное значение ‘двигаться обратно’ объединяет с остальными рефактивными значениями тот факт, что оно содержит пресуппозицию о предшествующей аналогичной ситуации:

- (9) *Радищев приехал из Москвы **обратно** в Петербург.* Пресуппозиция: до этого он уже был в Петербурге.
- (10) *Я попал **обратно** в какой-то незнакомый город.*

Строго говоря, логически можно противопоставить две отдельных разновидности редитивного значения — значение, предполагающее полное повторение предшествующего маршрута (в пресуппозиции предшествующее движение, противоположное рассматриваемому), и значение, предполагающее совпадение цели движения с исходным пунктом предшествующего движения, но не совпадение самих траекторий движения. Тем не менее, нам не известно — по крайней мере, морфологических — показателей редитива, отражающих подобное противопоставление, ср. примеры на выражение ситуаций обоих типов в русском языке с помощью глагола *возвращаться* и наречия *обратно*:

- (11) *Охотник **вернулся обратно** к реке по собственным следам.* Совпадение траекторий.
- (12) *Охотник **вернулся обратно** к реке другой дорогой.* Совпадение цели с исходным пунктом, несовпадение траекторий.

Существует два пространственных значения, очень близких к собственно редитивному и часто выражаемых совместно с ним, но не содержащих, в отличие от него, никакой пресуппозиции о предшествующей ситуации движения и, тем самым, семантически более далеких от рефактивной зоны. Первое из них содержит фиксированную цель ‘дом, место обычного пребывания’. Ситуа-

ция ‘двигаться домой’ так же, как и обычная редитивная ситуация, в принципе предполагает, что движению предшествовало противоположное движение (из дома), но эта информация не является актуальной для говорящего. Свидетельства употребления рефактивных показателей как в собственно редитивном значении, так и в «деэмпфатизированном» значении ‘домой’ характерно, в частности, для атапаскских языков и отомангских языков (см. обсуждение подобных употреблений в асойу-тлапанек и других отомангских языках в [Wichmann 1992]).

Другое близкое к редитивному значение — ‘двигаться назад’ — обозначает обратное движение, но не относительно некоторого предшествующего движения, а относительно объекта с выделенной асимметрией передней vs. задней части (прототипически человека — ‘назад’ = ‘противоположно направлению взгляда’). Ср. диагностические контексты, в которых в русском языке возможно употребление наречия *назад*, но не семантически близкого ему наречия *обратно*, которое может выражать только собственно редитивное значение, но не значение ‘назад’: *откинуть голову назад* / **обратно*, *оглянуться назад* / **обратно*. Ср. также примеры из нанайского языка (тунгусо-маньчжурские), иллюстрирующие возможность выражения собственно редитивного значения и значения ‘назад’ с помощью одного и того же морфологического показателя:

(13) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Оненко 1980]

a. *ту*: ‘падать’ — *ту:-гу* ‘падать обратно {на прежнее место}’

b. *ичэ* ‘смотреть’ — *ичэ-гу* ‘оглядываться {смотреть в сторону, противоположную обычной}’

В некоторых языках значение редитива может совмещаться не со значением направления, связанного с фасадными характеристиками объекта, а со значением соответствующей локализации — ‘быть / двигаться сзади от объекта’ (так называемая локализация POST). Ср., например, такие употребления редитивной приставки *zurück-* в немецком языке, как *liegen* ‘лежать, находиться’ — *zurück-liegen* ‘быть сзади, оставаться позади’. Одним и тем же глагольным префиксом *q-* выражается редитивное значение (а также более широкий круг рефактивных значений) и значение локализации POST в языках лезгинской группы — агуль-

ском, рутульском, табасаранском (ср. [Maisak, Merdanova 2011; Махмудова 2001: 107–108]). При этом для агульского языка в [Maisak, Merdanova 2011] показано, что на синхронном уровне есть основания считать q-редитив и q-POST разными — хотя и диахронически связанными — показателями.

Значение обратного движения может нетривиальным образом взаимодействовать с каузативной семантикой. Если для простой ситуации движения обратное направление однозначно трактуется как обратное с точки зрения единственного движущегося объекта ('туда, где движущийся объект был ранее'), то для ситуации каузации движения существует две логических возможности: а) обратно с точки зрения каузируемого ('туда, где каузируемый объект был ранее') vs. б) обратно с точки зрения каузатора ('туда, где каузатор был ранее'). Более естественным и типологически более частотным кажется первый вариант, ср.:

- (14) *Мы вместе отвели зверя **обратно** в цирк.* [Е. Власова. «Домовой». НКРЯ] {'туда, где зверь был раньше'/ *'туда, где мы были раньше'}

Тем не менее, для некоторых показателей возможной оказывается и интерпретация обратного движения с точки зрения каузатора, дающая результирующее значение типа 'вернуться с чем-то', '(сходить и) принести что-то'. Ср. схожие примеры из нанайского и агульского языков:

- (15) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток):

baza-č era-go-j=goan' dolbo tul=də
база-DIR нести-REP-PTCP.NPST=ведь ночь всегда=даже
'А ночью мы, <когда рыбачим, все, что наловили,> **ОТВОЗИМ**
на базу' {=возвращаемся обратно на базу и везем туда все,
что наловили} ⁸

- (16) агульский (нахско-дагестанские, Дагестан):

sa ġurčaqan alčarx.u-guna,
один охотник встречаться.PFV-TEMP
ġurčaqan.di qu-χ.a-j-e me uč.i-s
охотник(ERG) REP-нести.IPFV-CONV-COP DEMM сам-DAT

⁸ Пример из текстов, собранных С. А. Оскольской и К. А. Крапивиной.

gada q'a-s, χul-as.
сын делать.IPFV-INF дом-DAT

‘Встречается (герою) охотник, и этот охотник **забирает** его к себе в сыновья, домой’⁹ {=возвращается домой и ведет с собой героя}.

В обоих языках при этом возможны и употребления с интерпретацией с точки зрения каузируемого.

2.2. Пролатив

В некоторых языках наблюдается полисемия рефактива со значением пролатива (‘движение через что-л., сквозь что-л., вдоль чего-л.’) или развитие рефактивных показателей из глаголов со значениями ‘пересекать, переходить, проходить’. О семантике пролатива см. подробнее [Ганенков 2002], о путях грамматикализации глаголов ‘переходить, проходить’ — [Майсак 2005].

Данный тип полисемии демонстрирует русская приставка *пере-* и ее когнаты в других славянских языках. В данном случае речь идет о полисемии только с одним из значений рефактивной семантической зоны — реконструктивным (‘сделать еще раз, поновому, лучше, чем в прошлый раз’). Семантическая связь между значениями пролатива и реконструктива кажется достаточно прозрачной: идея пространственного перехода границы, лежащая в основе пролативного значения (*перебежать дорогу*), метафорически переносится в непространственную сферу так, что в качестве границы осмысляется результат ситуации, следовательно, в качестве перехода границы — достижение нового результата, *превосходящего* прежний (*перебежать стометровку*).

В чадских языках марги (суффикс *-ngárí*) [Hoffmann 1963: 134] и бура (суффикс *-nkir*) [Hoffman 1955] наблюдается полисемия пролатива и локализации SUPER с репетитивным значением:

(17) марги (чадские, Нигерия), [Hoffmann 1963: 134]

- а) *cí* ‘рассказать, сказать’ — *cí-ngárí* ‘рассказать что-то опять’;
- б) *fǎ* ‘положить’ — *fǎ-ngárí* — ‘положить поверх чего-то’;
- с. *ndàl* ‘бросить’ — *ndàl-ngárí* ‘бросить на что-то, перебросить через что-то’.

⁹ Пример из текстов, собранных Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсак, С. Р. Мердановой.

Пролатив, как и большинство пространственных значений, является в первую очередь именным значением (ср. [Плунгян 2002] о выражении пространственных значений при имени и при глаголе). Ситуация, когда один и тот же показатель выражает пролативное значение при имени и рефактивное при глаголе, наблюдается в австралийском языке банджаланг (пама-ньюнга). Транскатегориальный суффикс *-bu* в банджаланг выражает пролативное значение ‘по ориентиру, вдоль ориентира’, прибавляясь к существительным с пространственным значением (18a), тот же суффикс при глаголах служит показателем с широким кругом рефактивных значений (репетитив, реститутив, редитив) (18b):

(18) банджаланг (пама-ньюнга, Австралия), [Sharpe 2005: 214]

a. *gila-ŋu* *Balugahn* *Gunambre-bari* *balun-bu* *ŋula*
 тот-NEV Балугахн Гунамбре-житель залив-REP 3М
uŋa-hn
 идти-IPFV

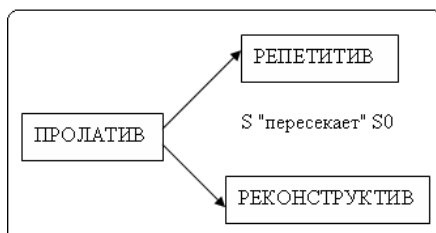
‘Этот Балугахн, житель Гунамбре, шел вдоль залива’.

b. *gah* *ŋula* *ŋah-le-n-bu*
 туда 3М видеть-APS-IPFV-REP

‘Он опять туда {где пели птицы и цвели цветы} смотрел’.

За пределами сферы морфологических показателей рефактива, тот же тип полисемии представлен, например, в английском языке для частицы *over* (*to swim over* ‘переплыть’ vs. *to do over* ‘переделать’). Диахронические данные о том же типе семантической связи имеются в кантонском китайском языке [Matthews, Yip 1994: 207], где реконструктивное значение выражается конструкцией с глаголом *gwo* ‘пересекать’.

Таким образом, значение пролатива (или пролатива-суперэссива / суперлатива) может совмещаться как со специализированным значением реконструктива, так и с нейтральным репетитивным значением. Пролативное значение является диахронически исходным (ср. кантонский китайский). В обоих случаях в основании полисемии лежит, видимо, метафора, при которой исходная ситуация осмысливается как «траектория», по которой движется во времени повторная ситуация: повторная ситуация накладывается на исходную, перекрывает (или пересекает) ее, а в случае реконструктивного значения при этом выходит за пределы исходной ситуации, пересекая границу, определенную предшествующим результатом:

2.3. Сопутствующее движение

Одним из «экзотических» типов полисемии рефактивных показателей является совмещение рефактива со значениями «сопутствующего движения»¹⁰ (‘ситуация Р сопровождается перемещением субъекта’); этот тип мы также считаем возможным включить в пространственную группу. Имеются в виду прежде всего значения на основе редитива — ‘сделать по пути обратно’, ‘сделать, вернувшись’, ‘вернуться, чтобы сделать’. Ср пример из араванского языка жаравара на употребление рефактивного суффикса *-ma* в значении ‘сделать, вернувшись’:

(19) жаравара (араванские, Бразилия), [Vogel 2006: 160]

yama soki ya ota tafa-ma
 время быть.темно ADJUNCT 1PL.EXCL есть-REP
 ‘Ночью мы поели дома (=поели, вернувшись)’.

Развитие подобного значения у рефактивных показателей зафиксировано в тех ареалах, для которых в принципе характерно наличие типологически достаточно редкой категории сопутствующего движения, — в Южной Америке и Австралии.

Встреченные нами случаи связи рефактивного значения со значениями сопутствующего движения достаточно неоднородны. Помимо «чистого случая», когда идея движения, сопровождающего ситуацию, выражается самим рефактивным маркером, представленного, как кажется, в жаравара и в аранда (см. ниже), возможна ситуация, когда рефактивный показатель может маркировать ситуацию, сопровождаемую обратным движением, но только если ситуация обратного движения независимо эксплицитно выражена в предшествующем контексте. Такова, судя по

¹⁰ «associated motion»

имеющимся примерам и описаниям, ситуация, наблюдаемая в аравакском языке янеша (суффикс *-err-* [Duff-Tripp 1997: 87]) и арауканском языке мапуче (суффикс *-tu* [Smeets 1989: 332]), ср. пример из мапуче, в котором используется глагол ‘вернуться’, а последующая ситуация оформляется рефактивным показателем, и пример из янеша, в котором эксплицитно выраженный глагол движения оформлен рефактивным показателем и тот же показатель используется для выражения последующего действия:

- (20) мапуче (арауканские, Чили, Аргентина), [Smeets 1989: 483]
wiño-me-ye-m kom fey-pi-pa-tu-ke-fi-y
return-thither-HAB-INV all that-say-hither-REP-HAB-APPL-IND-3
ti machi
 the medicine.woman

‘Вернувшись, они **рассказывают-REP** все колдунье’.

- (21) янеша (аравакские, Перу), [Duff-Tripp 1997: 87]
ahuo' ahuan-err-et pa'-pacll-o ahuo'
 RPT идти-REP-3PL POSS-дом-LOC RPT
čhačh-err-et ahuo' a'nan-u-err-et
 приходить.RDPL-REP-3PL RPT варить-TERM-REP-3PL
po'-shua-r
 POSS-рыба-POSS
 ‘Они вернулись-REP домой. Они пришли-REP и **приготови-ли-REP** **рыбу** (придя)’.

Случай, более далекий от прототипа, демонстрирует язык намиа (сепик-раму), в котором значение ‘ситуация сопровождается обратным движением’ выражается комбинацией рефактивного аффикса со специализированным аффиксом сопутствующего движения. В намиа представлены два специализированных морфологических показателя со значениями ‘прийти, чтобы сделать’ и ‘пойти, чтобы сделать’ [Feldpausch, Feldpausch 1992: 35]. Сочетание этих аффиксов с рефактивным аффиксом дает результирующее значение ‘вернуться, чтобы сделать’.

Естественно предположить, что значения сопутствующего движения связаны с редитивной, а не репетитивной частью рефактивной зоны. Подтверждением этому могут служить данные упоминавшегося выше языка аранда (пама-ньюнга). Суффикс *-irtne* в аранда имеет редитивное значение при глаголах движения:

(22) аранда (пама-ньюнга, Австралия), [Wilkins 1989: 349]

Penny-le-me puke tape arrern-irtne-ke?

Penny-ERG-Q book PL put-REP-PST.COMPL

‘Это Пенни положил книги обратно’ (на полку)?’

За пределами пространственной зоны он выражает реститутивное (23a) и респонсивное (23b) значения (но не значение репетитива), а также значение сопутствующего движения ‘сделать по пути обратно’ (23c) [Wilkins 1989: 275–277]:

(23) аранда (пама-ньюнга, Австралия), [Wilkins 1989: 275–277]

a. *iparrpe mwarr-irr-irtne-Ø-ewe*

quickly good-INCH-REP-IMP-EMPH

‘Скорее выздоравливайте (снова становитесь здоровыми)!’

b. *re ayenge tw-irtne-ke*

3SG.A 1SG.O hit-REP-PST.COMPL

‘Он ударил меня в ответ (после того, как я ударил его)’.

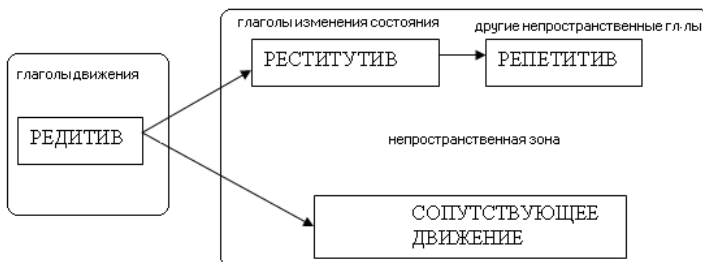
c. *nthenhe arrantherre arlkw-irtne-tyenhe thursday-nge*

where 2PL.A eat-REP-NONPST.COMPL Thursday-ABL

‘Где вы будете есть по дороге назад в четверг?’

Во всех прочих обсуждавшихся выше языках рефактивные маркеры имеют достаточно широкий круг рефактивных значений, среди прочих и редитивное, что вполне согласуется с предложенной гипотезой.

Таким образом, развитие у рефактивного показателя значения сопутствующего движения (‘ситуация сопровождается обратным движением’) можно рассматривать как маргинальный путь эволюции показателя редитива при расширении сферы его употребления на непространственную лексику.

Более распространенный случай развития рефактивного показателя — от редитивного значения, совместимого только с глаголами движения, к репетитивному через реститутивное при охвате непространственной лексики (см. п. 1.1.). В нашем случае при расширении сферы употребления на непространственную зону редитивное значение ‘двигаться обратно’ преобразуется не в ‘делать повторно’, а в ‘делать при движении обратно’. Этот путь, как показывают наши данные, значительно более редкий. Он может присутствовать в языке не только как альтернатива первому (аранда), но и параллельно с ним (жаравара).

3. Глагольная множественность и смежные значения

В данном разделе рассматриваются случаи полисемии рефактива с разными типами глагольных деривационных значений, связанных с характером протекания ситуации, часто объединяемых под общим названием «Aktionsart» или «способы глагольного действия».

Большая часть раздела посвящена взаимодействию рефактива с так называемыми значениями «глагольной множественности» (verbal plurality [Cusic 1981], pluractionality [Newman 1990]), то есть значениями, связанными с (многократным) повторением ситуации. Поскольку рефактивные значения также связаны с повторением, возникает вопрос о рассмотрении их в рамках семантической зоны глагольной множественности (как это делается, например, в [Dressler 1968; Шлуинский 2005]). Как показывают разбираемые ниже данные, случаи полисемии рефактива со значениями глагольной множественности достаточно немногочисленны, то есть, несмотря на общую для рефактива и значений глагольной множественности идею повторения, рефактивная зона, видимо, достаточно сильно отстоит от значений глагольной множественности, связанных с многократным повторением.

В пп. 3.3–3.4 рассматриваются предполагаемые случаи полисемии рефактива со значениями, связанными с интенсивностью действия (интенсив, аттенуатив) и с реверсивным значением. Они также немногочисленны, многие из них спорны, некоторые естественнее интерпретировать как результат разрушения прежней полисемии с сильной лексикализацией и отмиранием промежуточных значений, чем как синхронную полисемию, свидетельствующую о непосредственной семантической связи.

3.1. Повторение ситуации: *хабитуалис*, *итератив*, *мультипликатив*

В некоторых грамматических описаниях отмечается использование одного и того же грамматического средства как для указания на однократное повторение ситуации, так и для указания на многократное повторение ситуации. Речь может идти как о значении «итеративного типа» (многократное повторение отдельных ситуаций), так и о значении «мультипликативного типа» (повторение отдельных квантов единой многоактной ситуации) в терминологии [Храковский 1989] (*event-external* vs. *event-internal plurality* по [Cusic 1981; Wood 2007]) или о наличии обоих значений сразу. Мы рассмотрим все эти случаи в одном разделе, поскольку, во-первых, не всегда наших (вторичных) данных достаточно, чтобы точно определить, с каким именно значением многократного повторения мы имеем дело, а во-вторых, поскольку во всех этих случаях, как нам кажется, действует сходный механизм семантического взаимодействия.

3.1.1. Рефактив в контексте многократного повторения: типологические данные. Известные нам случаи взаимодействия рефактива со значениями многократного повторения можно разбить на два типа:

а) собственно случаи полисемии, когда многократное и однократное повторение выражаются в языке одним и тем же средством;

б) случаи, когда рефактивный показатель является составной частью (обязательной или факультативной) конструкции, выражающей многократное повторение.

Как кажется, эти две группы случаев могут быть связаны. Ниже (п. 3.1.2) предлагается интерпретировать случаи типа а) как результат диахронического развития случаев типа б).

Случаи первого типа можно проиллюстрировать следующими примерами из аравакского языка варекена [Aikhenvald 1998: 346–348]. Суффикс *-tʃi* в первом примере употреблен в контексте однократного повторения ситуации (репетитивное значение), во втором — в контексте регулярного повторения (хабитуальное значение):

(24) варекена (аравакские, Венесуэла, Бразилия), [Aikhenvald 1998: 347, 233]

а. *wa-tsimā-hã* *a.le-ma-ba-lu-ta* *ate aliwa-tʃi-mia*
1PL-sleep-PAUS so-DEL-AUG-EMPH until dawn-REP-PFV

wa wa-fa-mia-tfi-wa

then 1PL-go-PERF-REP-INCOMPL

‘Мы спали, пока снова не взошло солнце, тогда мы опять пошли’.

b. *wa peya laguna ni-kulua-tfi weni paya:lu-ni*

then one lake 3PL-drink-REP water all-3PL

kuefi-nawi wali ni-kulua-hã weni

game-PL where 3PL-drink-PAUS water

‘Было одно озеро, где все они, звери, часто пили воду, где они пили воду’.

Сходная ситуация представлена в тотонакском языке тепе-ва-веветла (суффикс *-pala* [Kung 2007: 293–297]¹¹). «Итеративный» префикс *(i)p-* в карок (хока), по свидетельству [Bright 1957: 88–89], может обозначать как однократное повторение (а также реститутивную или редитивную ситуацию), так и многократное. Свидетельства рефактивно-хабитуальной полисемии приводятся в грамматиках для суффикса *-itk(a)r-* ‘1) опять; 2) всегда, время от времени’ в чибчанском языке рама [Grinevald 1990: 15] и для «эмфатического хабитуально-итеративного» суффикса *-na-* (‘обычно, опять’) в исчезнувшем в конце XVIII в. индейском языке-изоляте тимукуа [Granberry 1993: 96]. Репетитивное значение с мультипликативным (и, возможно, другими значениями глагольной множественности) совмещает суффикс *-si-* в тибето-бирманском языке монгсен-ао [Coupe 2007: 326].

Случай второго типа (рефактивный маркер в составе конструкции со значением многократного повторения) представлен в первую очередь в атапаскских языках. В описаниях некоторых атапаскских языков в качестве одной из функций рефактивного префикса фигурирует выражение хабитуального («customary», «usitative») и/или мультипликативного значения: ср. слэйви [Rice 2000: 292], бивер [Randoja 1990: 128], коюкон [Axelrod 1990: 171–177], танайна [Tenenbaum 1978: 53]. При этом в хабитуальных контекстах рефактивный показатель присоединяется к

¹¹ В грамматике [Kung 2007] этот суффикс описывается как итеративный, тем не менее, судя по примерам из той же самой грамматики и прилагающихся к ней текстов, у него есть также рефактивные употребления.

особой основе хабиитуалиса или мультипликатива, как в приводимом ниже примере из слэйви, и употребление глагола в том же значении без рефактивного показателя также возможно.

(25) слэйви (атапаскские, Канада), [Rice 2000: 292]

'e-ghá-na-lé-g-a-the

OBJ-для-REF-DU-SBJ.PL-ACTV-идти.НАВ

‘Они регулярно ходили за мясом’.

Некоторые свидетельства против связи рефактива с хабиитуалисом в атапаскских языках именно через репетитивное значение дает материал языка навахо. В большинстве атапаскских языков представлен единственный рефактивный префикс, выражающий как редитивное и реститутивное значение, так и репетитивное. В навахо ему соответствует два (видимо, этимологически связанных) рефактивных префикса — *náá-* («semeliterative») и *ná-* («revisionary») [Young 2000: 42–43; Smith 2000: 213–215]. Первый выражает репетитивное значение, второй — реститутивное и редитивное. Так же, как в других атапаскских языках, рефактивный префикс в навахо, прибавляясь к специальной основе, используется в хабиитуальных контекстах. И это реститутивно-редитивный префикс *ná-*, а не репетитивный *náá-*. Таким образом, данные навахо заставляют думать о связи хабиитуальных употреблений рефактива не с репетитивным значением, что кажется интуитивно наиболее естественным, а с реститутивным или редитивным, что кажется теоретически более проблематичным. При этом в [Young 2000: 467] предлагается считать хабиитуальный *ná-* отдельной морфемой, не тождественной реститутивному *ná-* на синхронном уровне и потенциально связанной с ним (а также с репетитивным префиксом!) лишь диахронически.

В чадском языке хди рефактивный суффикс *-gl-* может использоваться в мультипликативном или дистрибутивном контексте, прибавляясь к специальной мультипликативной форме глагола («plural form») [Frajzyngier 2002: 219].

Тенденция к частому употреблению рефактивного суффикса *-t* в хабиитуальной конструкции с глаголами *woowude* и *suttude* (‘иметь привычку’) отмечается в [Sow 1966: 19] для фула (диалект фута-джаллон).

В языке кваза (изолят, Бразилия) отмечена хабиитуальная морфема *-ĩ?ĩe*, которая в описании [Voort 2004: 453] гипотетически возводится к сочетанию корня *-ĩ?ĩta*, также используемого в конструкции с хабиитуальным значением, и рефактивного суффикса *-e-*.

Интересные дополнительные свидетельства взаимодействия рефактивной семантической зоны с хабиитуалисом дают некоторые неглагольные употребления рефактивных маркеров. Так, рефактивная клитика *-nyali* в гуниянди (бунаба) в сочетании с наречием *ngambiddi* ‘опять’ образует выражение *ngambiddi-nyali* ‘каждый день’ [McGregor 1990: 464]. Суффикс *-le* в языке ючи (изолят, Оклахома) при глаголе имеет рефактивные употребления, а при именах с временным значением выражает значение ‘каждый период времени’ (*yus’igano:we:-ci-le* (вторник-CLF-REF) ‘каждый вторник’) [Linn 2000: 395].

3.1.2. Значение ‘как обычно’. Связь рефактива со значениями многократного повторения. Более простым для интерпретации кажется второй из рассмотренных случаев — употребление рефактивного маркера как дополнительного средства кодирования многократности. Принципиальным для объяснения кажется тот факт, что значение рефактива (репетитива) логически включено в значение многократного повторения: ‘ситуация многократно повторяется’ > ‘ситуация однократно повторяется’. Таким образом, употребление рефактивного маркера в контексте многократного повторения оказывается, с одной стороны, оправданным (однократное повторение имеет место), с другой стороны — избыточным. Оно не ведет к семантическому противоречию, но и не добавляет никакой новой информации. Для языка в такой ситуации есть две противоположных возможности: 1) запрет на употребление рефактивных показателей в хабиитуальном контексте (по причине семантической избыточности); 2) конвенционализация употребления рефактивных показателей в хабиитуальном контексте (по причине семантической близости)¹². Это не жесткие альтернативы, а скорее два полюса, к тому или иному из которых разные языки стремятся в большей или меньшей степени.

¹² В принципе существуют еще две логические возможности комбинации рефактивного и хабиитуального значений, связанные с применением соответствующих операторов на разном уровне. Хабиитуалис может входить в сферу действия рефактива и давать значение ‘повторение (прерванного) регулярного действия’ (*Он опять [чистит зубы каждое утро]*). Рефактив может входить в сферу действия хабиитуалиса и давать значение ‘регулярное однократное повторение действия’ (*Он обычно [пере-читывает каждую страницу по два раза]*.) Эти случаи, менее интересные в контексте рефактивно-хабиитуальной полисемии, мы здесь не рассматриваем.

Запрет на совместное употребление морфологических показателей рефактива и хабитуалиса наблюдается, например, по свидетельству [Watters 1981: 407], в языке эджагам: рефактив выражается с помощью префикса *krə-*, хабитуалис — с помощью особого тонового оформления личного префикса, их комбинация невозможна. Во французском префикс *re-* может употребляться в хабитуальных контекстах для эмфатизации регулярного повторения, но это скорее окказиональные употребления, чем отчетливая тенденция. Рассмотренные выше атапаскские языки, видимо, занимают на шкале конвенционализации рефактивного маркера в контексте многократности достаточно продвинутое положение.

Можно предположить, что возможность употребления рефактивного маркера в контексте многократного повторения и степень конвенционализации этой его функции коррелируют с общей тенденцией к «избыточному» маркированию однократного повторения. В работе [Wälchli 2006] на основании анализа большой выборки параллельных текстов вводится противопоставление «тяжелых» («heavy») и «легких» («light») рефактивных показателей¹³. Тяжелые показатели (чаще лексические) употребляются реже, только в наиболее эмфатических контекстах, легкие показатели (чаще морфологические) гораздо более частотны. Несколько огрубляя картину, можно сказать, что тяжелые рефактивы — это те, для которых в языке действует принцип «если важно, что аналогичная ситуация ранее уже имела место, используй рефактивный показатель», а легкие — те, для которых действует принцип «если аналогичная ситуация ранее хоть раз имела место, используй рефактивный показатель»¹⁴. Естественно предположить, что для показателей рефактива, которые в [Wälchli 2006] названы легкими, или для некоторой их части, для которой тенденция к «экспансии» особенно ярко выражена (видимо, «легкость» рефактивного показателя — скорее градуальное понятие, нежели абсолютное), характерен также некоторый семантический

¹³ Терминология Вельхли отсылает к известному противопоставлению тяжелых vs. легких рефлексивов, введенному в работе [Kemmer 1993].

¹⁴ При этом в полной мере этому принципу, видимо, не подчиняется ни один показатель рефактива в языках мира, речь скорее об общей тенденции.

сдвиг. А именно — сдвиг от значения, связывающего ситуацию с некоторой конкретной аналогичной ситуацией в прошлом (собственно рефактив), к значению, отсылающему к обобщенному множеству предшествующих аналогичных ситуаций. Это значение, которое можно было бы назвать «нереферентным репетитивом», часто специально отмечается в грамматиках и описывается выражениями типа «как всегда», «как обычно». Например, в [Sakel 2004: 289] отмечается, что в языке мосетен (изолят, Боливия) рефактивный суффикс *-ban*, помимо репетитивных контекстов, используется также для выражения «ожидаемых явлений, таких как традиционные действия, которые всегда повторяются вновь»¹⁵. В приводимом ниже примере употребления рефактивного показателя не отсылают ни к какому конкретному случаю потребления героями чичи, а указывают на то, что описываемая церемония происходит каждый раз по завершении охоты:

(26) мосетен (изолят, Боливия), [Sakel 2004: 292]

jöi 'yěě-baj-te-in *shokdye' tyē-ban*
 обслужить-STEM-APPL-REP-3M.OBJ-PL чича пить-REP.M.SBJ
 'Они принесли ему чичи, и он выпил (описание традиционного завершения охоты)'.

Аналогичные употребления описываются для рефактивного суффикса в тунгусо-маньчжурских языках: ороцком [Аврунин, Болдырев 2001: 282], удэгейском [Кормушин 1998: 93–94; Nikolaeva, Tolskaya 2001: 317], нанайском [Оненко 1977: 65].

Можно предположить, что именно этот тип употреблений связывает рефактив со значениями зоны глагольной множественности. Возможность отсылать не к конкретной ситуации в прошлом, а к классу аналогичных ситуаций очень хорошо сочетается с семантикой многократного повторения, и естественно допустить, что как раз рефактивы, которым свойственна наибольшая экспансия (легкие рефактивы) и семантический сдвиг от собственно репетитивного значения к «нереферентным» употреблениям типа «как обычно», будут обладать особенной склонностью к употреблению в том числе в контексте многократного повторения и конвенционализации в этой функции. Подтверждение это-

¹⁵ «expected happening, such as traditional actions that always happen again».

му дает материал упоминавшихся выше атапаскских языков. Так, в языке бабин-вицувитен встречаются нерефактивные употребления рефактивного префикса *ne-*, объясняемые в [Nagus 2007: 438] цикличной природой соответствующих ситуаций¹⁶. В собственно хабитуальной функции *ne-* в бабин-вицувитен не используется [Nagus 2007: 360], но тот же префикс используется для выражения хабитуалиса в других атапаскских языках (см. выше). В языке танайна [Tenenbaum 1978: 173] рефактивный префикс *ni-* без специального акцента на повторении употребляется с глаголами типа 'надевать', 'обувать' (обозначающими «ситуации, совершающиеся снова и снова, каждая из которых является повторением»¹⁷). Тот же префикс, как было указано выше, используется в хабитуальном контексте с основой хабитуалиса.

В качестве дальнейшего диахронического сценария можно предположить следующий: показатель рефактива, регулярно употребляемый в контексте многократности, переосмысливается как собственно показатель многократного повторения (мультипликатив, хабитуалис). Если показатель рефактива при этом морфологический, а специального морфологического показателя многократности в системе до этого момента не было, этот сдвиг кажется вполне представимым¹⁸:

Таким образом, данная гипотеза постулирует для рассмотренных в 3.1.1. случаев полисемии рефактива со значениями многократности исходное репетитивное значение, конвенционализованное в контексте многократности. Прямых диахронических

¹⁶ «activities that happen on a cyclic, especially daily basis».

¹⁷ «actions performed over and over, each act being a repetition» [Tenenbaum 1978:173].

¹⁸ Заметим, что в атапаскских языках, например, это не так, поэтому даже при значительной степени конвенционализации рефактивного префикса в контексте многократности, ни в одном из них он не превращается в собственно показатель хабитуалиса или мультипликатива.

свидетельств в пользу именно такого сценария для большинства перечисленных в 3.1.1. языков нам не известно. Тем не менее, некоторые косвенные данные говорят в его пользу. Так, частичным подтверждением предлагаемого сценария могут служить данные по монгсен-ао, приводимые в [Coupe 2007]. При том, что суффикс *-si-* в монгсен-ао анализируется автором описания как синхронно выражающий и репетитивное, и мультипликативное значение, им также отмечается возможность дополнительного кодирования мультипликативного значения с помощью «показателя одновременности» *-li?*, что позволяет предполагать первичность репетитивного значения, а не мультипликативного.

(27) монгсен-ао (тибето-бирманские, Индия) [Coupe 2007: 327]

a-ji-la nə a-úk-la nə thəniŋ-pà?

NRL-dog-F AGT NRL-pig-F AGT work-NR

təlu? tʃu ku tʃhəm-si-li? táŋ wa

all DIST LOC trample-REP-SIM just go.PST

‘Собака пошла и (множественно) поковыляла все, что сделала Свинья’.

Еще одним, и более важным аргументом в пользу исходного статуса рефактивного значения *-si-* в монгсен-ао является тот факт, что этот суффикс восходит, по предположению [Coupe 2007: 327], к глаголу ‘поворачивать’. Это типологически наиболее частотный лексический источник рефактивных маркеров, но не маркеров мультипликатива. Итеративно-репетитивный суффикс *-pala* в тепева-веветла имеет когнаты в других тотонакских языках (ср. *-pal* в тепева-тлачичилько [Watters 1988: 240]) с рефактивным, но не итеративным значением. Наконец, в карок у соответствующего аффикса помимо репетитивного значения, обсуждаемого нами как связывающее рефактивную зону со значениями многократного повторения, зафиксированы также реститутивное и редитивное значение. Для рефактивных показателей типологически естественным является диахронический путь от редитивного значения к рефактивному, но не обратный; таким образом, в данном случае невозможно считать репетитивное значение вторичным по отношению к значению многократного повторения.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что полисемия рефактива со значениями многократного повторения (мульти-

пликативом, итеративом, хабиитуалисом) встречается в некоторых языках, но остается, тем не менее, достаточно периферийным явлением. В качестве диахронического сценария для этого типа полисемии мы предлагаем развитие значения многократного повторения из репетитивного через конвенционализацию употреблений рефактивного показателя в контексте многократного повторения. Тенденция к употреблению и конвенционализации рефактива в контексте многократного повторения, как нам кажется, наиболее вероятна для «легких» показателей рефактива с семантическим сдвигом от собственно репетитивного значения, соотносящего описываемую ситуацию с конкретной ситуацией в прошлом, к «нереферентному» значению ‘как обычно’, соотносящему описываемую ситуацию с классом аналогичных ситуаций.

3.2. Дистрибутив

Полисемия рефактива с дистрибутивным значением (‘множественность участников ситуации’) обнаружена нами всего в двух (при этом ареально и генетически очень далеких) языках выборки.

В отомангском языке асойу-тлапанек [Wichmann 1992] суффикс *-li* употребляется как в рефактивном значении (репетитивном, редитивном, реститутивном), так и в дистрибутивном значении¹⁹:

(28) асойу-тлапанек (отомангские, Мексика), [Wichmann 1992: 128]

а. *-ʔkwayunʔ* ‘ужинать’ — *-ʔkwayun-li* ‘ужинать повторно’

б. *-ndrehme* ‘рассыпать, разбрызгивать (напр., землю, жидкость)’ — *-ndrihma-li* ‘рассыпать, разбрызгивать во многих местах’

Судя по примерам, приводимым в [Wichmann 1992], речь в данном случае идет только об одной разновидности дистрибутивного значения, а именно — о значении дисперсива — ‘совершения ситуации в разных местах / в разных частях протяженного объекта’ [Храковский 1989: 34].

В языке куланго (гуп) [Elders 2007; Elders 2008: 197–199] суффикс *-ra* выражает рефактивное значение при контролирую-

¹⁹ В [Wichmann 1992] выделяется также в качестве отдельного значение ‘полного охвата ситуации’, достаточно близкое к дисперсивному дистрибутивному, о нем см. п. 3.2.

емых глаголах и значение субъектного дистрибутива²⁰ при неконтролируемых глаголах.

Отметим также, что дистрибутив — одно из продуктивных значений русской приставки *пере-* и ее когнатов в других славянских языках, наряду с реконструктивным (*перечитать сотню книг* vs. *перечитать «Войну и мир»*). Но в данном случае естественнее предполагать параллельное развитие двух этих значений из пространственного значения пролатива, чем непосредственную семантическую связь между ними. Случаи полисемии рефактива-дистрибутива-мультипликатива (как, например, в некоторых банту) также естественнее интерпретировать как результат опосредованной семантической связи.

И в куланго, и в асойу-тлапанек естественно предполагать развитие дистрибутивного значения из рефактивного, а не наоборот. В асойу-тлапанек в пользу этого говорит наличие у показателя «полного набора» рефактивных значений, в том числе реститутивного и редитивного, которые, исходя из общих типологических данных по рефактиву, являются диахронически исходными, а также наличие когнатных показателей с рефактивным значением в близкородственных языках. Для куланго известен диахронический источник рефактивно-дистрибутивного суффикса *-pa* — это рефактивное наречие *pa* «опять» [Elders 2008: 198, 287–288]. Распределение рефактивного и дистрибутивного значений в куланго в зависимости от контролируемости укладывается в типологическую картину взаимодействия рефактивов с лексическими характеристиками глагола. Имеются независимые типологические данные по ограничениям на сочетание рефактива (репетитива и особенно реконструктива) с классом неконтролируемых глаголов: ср., например, неоднократно обсуждавшееся (ср. [Flier 1985: 144–145]) свойство реконструктивно-повторного *пере-* в русском языке сочетаться только с контролируемыми глаголами. Исходя из этого, гипотетический диахронический сценарий для суффикса *-pa* в куланго видится следующим образом: суффикс с исходным рефактивным значением вначале охватывает более «удобный» класс контролируемых предикатов, а затем распространяется на более «проблемный» класс неконтролируемых предикатов со сдвигом значения от рефактивного к другому связанному с повторением значению — дистрибутивному. Видимо,

²⁰ «la pluralité du sujet» [Elders 2008: 198].

одной из предпосылок развития у суффикса *-ра* дистрибутивного значения, связанного со сменой участников ситуации, является наличие среди собственно рефактивных его употреблений реперитивных употреблений с нетождественным объектом (типа *убить-REP X-a*, *убив до этого Y-a*), специально отмечаемых в [Elders 2008: 197].

3.3. Значения, связанные с интенсивностью действия

Рефактивное значение может совмещаться с достаточно широким кругом значений, связанных с интенсивностью действия — как повышенной (п. 3.3.1), так и пониженной (п. 3.3.2). Не во всех случаях понятно, является ли связь рефактивного значения с интенсивным прямой или опосредованной.

3.3.1. *Интенсив*. Рефактивное значение может совмещаться с разными значениями, связанными с повышенной интенсивностью ситуации — нейтральным значением ‘интенсивного проявления ситуации’, негативно окрашенным значением ‘делать слишком долго, слишком интенсивно’ и позитивно окрашенными значениями типа ‘делать тщательно’, ‘делать долго, с удовольствием’.

Полисемия рефактива с нейтральным значением ‘интенсивного проявления ситуации’ отмечается в языках манде джалонке (префикс *i-*) и какабе (префикс *ta-*).

(29) джалонке (манде, Гвинея), [Lüpke 2005]

a. *kənə xən-dii-na a i-kolon*
but bird-DIM-DEF 3SG **REP**-know
‘Но маленькая птичка опять узнала ее (кошку)’.

b. *a kətaa haa a i-kətaa*
3SG be.clever until 3SG **REP**-be.clever
‘Он же умный, он очень умный’.

Значение рефактивного префикса *re-* во французском языке при немногочисленной группе глаголов можно интерпретировать как интенсивное (*chercher* ‘искать’ — ***re-chercher*** ‘разыскивать, исследовать’, *sentir* ‘чувствовать, ощущать’ — ***res-sentir*** ‘испытывать’). При этом в [Mok 1964] аргументируется точка зрения, согласно которой на синхронном уровне продуктивная приставка *re-* (*re-/ré-/r-*) с рефактивным значением и непродуктивная приставка *re-* (*re-/r-*) со значением интенсификации формально противопоставлены.

В атлантическом языке нун есть суффикс *-is*, имеющий, с одной стороны, лексикализованные употребления, близкие к интенсивным или мультипликативным, и, с другой стороны, рефактивные (редитивные, репетитивные и реститутивные):

- (30) нун (атлантические, Сенегал) [Soukka 2000: 164, 171]
 a. *gúr* ‘резать’ — *gúr-is* ‘рубить на мелкие кусочки’
 b. *légís* ‘открыть’ — *légís-is* ‘снова открыть’

В [Soukka 2000: 164] показано, что в этих двух значениях он занимает разные морфосинтаксические позиции.

В языке куку-яланди (пама-ньюнга) [Patz 2002: 116–117] у клитики *-baja* наблюдается четкое распределение значений по глагольным классам: рефактивные значения (репетитив, редитив) реализуются при динамических глаголах, интенсивное значение — при стативных:

- (31) куку-яланди (пама-ньюнга, Австралия), [Patz 2002: 116]
 a. *nyulu* *bambay-ma-l-baja*
 3SG.NOM(SBJ) sick-INCH-NONPST-REP
 ‘Он становится очень болен’.
 b. *bajabaja-ngka* *jinkalmu* *bayka-ny-baja*
 blue.tongue.lizard-ERG taipan.ABS bite-PST-REP
 ‘Синезыкий сцинк опять укусил тайпана’.

Негативно окрашенное значение интенсивности, превышающей приемлемую, представлено у упоминавшихся выше полисемичных показателей с исходным пространственным значением пролатива, таких как русское *пере-* и английское *over* (*перегреть*, *overheat*), которые — среди прочих — реализуют рефактивное значение реконструктива (*переписать*, *overwrite*). В этом случае естественнее всего предполагать, что и реконструктивное значение, и интенсивное независимо развиваются непосредственно из значения пролатива. В пользу этого говорит, в частности, тот факт, что засвидетельствованы как независимая связь реконструктива с пролативом (см. обсуждавшуюся выше конструкцию с *gwo* в кантонском китайском), так и независимая связь интенсива с пролативом (как, например, у немецкой приставки *über-*, по семантике сходной со своим английским когнатом *over*, но без реконструктивного значения: *über-fliegen* ‘перелететь через ч-л.’ vs. *über-füttern* ‘перекормить’). Тем не менее, то обстоятельство, что значения реконструктива и интенсива развиваются, видимо, примерно по одной и той же простран-

ственной метафоре (реконструктив: ‘переход через границу предшествующей ситуации = улучшение ее результата’, интенсив: ‘переход через границу нормальной ситуации = чрезмерная интенсивность’), и то обстоятельство, что в языках мира встречаются и «чистые» случаи полисемии рефактив — интенсив, заставляют упомянуть данные случаи в этом разделе.

Еще один кластер с не очень ясными внутренними связями — рефактив-реверсив-интенсив — отмечается в языках банту (см. обсуждение этого случая в п. 3.4.1). В частности, например, у суффикса *-VrVr* в языке шона, наряду с рефактивным и реверсивным значениями, зафиксирована интересная разновидность положительно окрашенного интенсивного значения — ‘делать хорошо, тщательно, с удовольствием’ [Dembetembe 1987: 54–55]. Отдельные интенсивные употребления отмечаются и у реверсивно-рефактивного суффикса *-t* в фула.

Интенсивное значение не является прототипически глагольным (см. выше характерный пример языка куку-яланди, где оно распространяется только на маргинальный для глагола класс стативов). В дополнение к рассмотренным случаям можно упомянуть транскатегориальные показатели, реализующие рефактивное значение при глаголах и интенсивное при словах другой частеречной принадлежности. Например, суффикс *-gialla(k)* в восточноканадском инуктитуте (диалект лабрадорский инуттут) [Smith 1978] выражает рефактивное значение при глаголе (*qukivuk* ‘он стреляет’ — *qukigiallavuk* ‘он опять стреляет’) и интенсивное при некоторых квантификаторах (*unuttut* ‘много’ — *unuttugiallait* ‘намного больше’). В австралийском языке гуниянди [McGregor 1990: 459–474] клитика *-nyali* с широким кругом рефактивных и околорефактивных значений при глаголе выражает интенсивное значение, присоединяясь к временным наречиям (*moongaya* ‘утром’ — *moongaya-nyali* ‘очень рано утром’) ²¹.

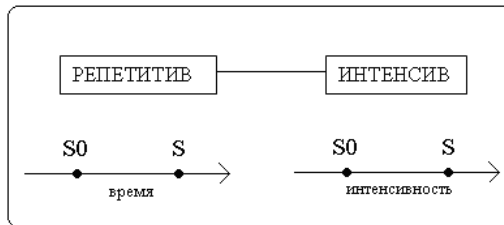
Для полисемичных показателей рефактива-интенсива часто характерна достаточно сильная степень лексикализации. В связи с этим встает вопрос о сопоставимости случаев а) продуктивный рефактив — продуктивный интенсив (как в куку яланди), б) продуктивный интенсив — лексикализированный рефактив (как в банту), в) лексикализированный интенсив — продуктивный рефактив (как во французском, в кабабе).

²¹ В данном случае интенсивное значение можно включить в более широкий круг значений типа ‘точно, как раз, действительно’, также отмечаемых у этой частицы.

Приведенные данные не кажутся достаточными для удовлетворительного объяснения семантической связи, лежащей в основе наблюдаемой полисемии. Значение интенсива кажется скорее связанным с репетитивной частью рефактивной зоны, чем с редитивной (по крайней мере, достоверных данных о полисемии редитивных или реститутивных показателей с интенсивом у нас нет). Можно предположить связь репетитива с интенсивом через следующие общие для этих значений семантические компоненты:

- а) описываемая ситуация соотносится с некоторой исходной ситуацией на определенной шкале;
- б) описываемая ситуация выше исходной по соответствующей шкале.

Для репетитивного значения соответствующая шкала будет временной, а исходная ситуация, соответственно, предшествующей по времени (описываемая ситуация соотносится с предшествующей аналогичной ситуацией, она происходит позже (находится выше на временной шкале) исходной ситуации). Для значения интенсива соответствующей шкалой будет шкала интенсивности, а исходной ситуацией, с которой происходит сравнение, — ситуация с нейтральной интенсивностью:

3.3.2. *Аттенуатив*. Более экзотическим явлением кажется совмещение значений рефактива и аттенуатива ('пониженная интенсивность/продолжительность действия'). Полисемия аттенуатива с рефактивом засвидетельствована в языке ноне для суффикса *-сѐ* [Human 1981: 87–88]. Наиболее продуктивное значение *-сѐ* — аттенуативное:

- (32) ноне (бенуэ-конго, бебоидные, Камерун), [Human 1981: 87]
kám 'чихать' — *kám-сѐ* 'слегка чихать'

Рефактивные (реститутивные) употребления до той или иной степени идиоматизированы:

- (33) ноне (бенуэ-конго, бебоидные, Камерун), [Нуман 1981: 87]
bóm ‘слепить’ — *bóm-cé* ‘заново слепить (сломанное)’
tóm ‘вышивать’ — *tóm-cé* — ‘зашивать, чинить (порванное)’

Также зафиксированы немногочисленные мультипликативные и дистрибутивные употребления со значениями типа ‘мало-помалу’, ‘один за другим’. Примеры на реститутивное употребление *-cé* рассматриваются в [Нуман 1981] в ряду примыкающих к аттенуативным идиоматизированных употреблений, объединяемых в графу «мелких действий» («smaller job») типа *uow* ‘снять шкуру (со зверя)’- *uõw-cé* ‘почистить (напр., банан)’. Таким образом, связь с аттенуативным значением видится в том, что на повторение ситуации / восстановление состояния затрачивается всегда меньше усилий, чем на полноценную реализацию ситуации.

Интересна ситуация в фула, где среди многочисленных значений суффикса *-t*²² имеются и рефактивные значения (рефактив, реститутив, редитив), и интенсивное, и — менее продуктивное — аттенуативное:

- (34) фула (атлантические, Западная Африка), [Коваль, Зубко 1986: 45]
а. *nang-a* ‘схватить’ — *nang-it-a* ‘схватить еще раз’;
б. *tow-a* ‘быть высоким’ — *tow-t-a* ‘быть очень высоким’;
в. *wojj-a* ‘быть красным’ — *wojj-it-a* ‘быть красноватым’

Таким образом, совмещение рефактивного значения с аттенуативным, хотя и засвидетельствовано в языках мира, относится к периферийным явлениям и сводится, главным образом, к единичным лексикализированным случаям.

3.4. Реверсив

В данном разделе рассматриваются случаи совместного выражения рефактивного значения с реверсивным — ‘ликвидация результата ситуации, описываемой исходным глаголом’ (ср., например, английское *un-* в примере *lock* ‘запереть’ — *un-lock* ‘отпереть’). Эти случаи достаточно немногочисленны, некоторые

²² В фуланистике остается открытым вопрос о том, считать ли *-t* многозначным суффиксом или выделять несколько омонимичных суффиксов, и если да, то сколько именно.

из них, возможно, не следует интерпретировать как синхронную полисемию. В п.3.4.1 дан обзор соответствующих случаев, точек зрения исследователей относительно их синхронного статуса и возможных семантических связей рефактива с реверсивом. В п. 3.4.2 обсуждается семантический «параллелизм» между значением реститутива, относящимся к рефактивной зоне, и значением реверсива и возможности их совместного выражения.

3.4.1. Рефактив и реверсив: полисемия или омонимия? Продуктивные морфологические показатели реверсива наиболее характерны для языков нигер-конго (ср. о реверсивах в догон и других языках нигер-конго [Плунгян 1992]). Там же засвидетельствованы показатели, совмещающие реверсивное значение с рефактивным. Самым ярким, хотя и небесспорным, примером подобной полисемии является суффикс *-t* в фула, о котором уже шла речь выше. Примеры (35a–b) иллюстрируют образование с помощью одного и того же суффикса деривата со значением повторного действия от глагола ‘тянуть’ (‘тянуть еще раз’) и реверсивного деривата от глагола ‘закрыть’ (‘открыть’):

(35) фула (атлантические, Западная Африка), [Коваль, Нялибули 1997: 147]

a. o *food-it-i* *boggol ngol*
он **тянуть-REP-PFV** веревка ART
‘Он снова потянул за веревку’.

b. o *sot-t-i* *baafal ngal*
он **закрыть-REP-PFV** дверь ART
‘Он отомкнул дверь’.

В некоторых работах ([Arnott 1970; De Wolf 1987]) рефактив *-t* и реверсив *-t* интерпретируются как два независимых омонимичных суффикса, но основанием для такого решения является в основном различие в значении, а не серьезные различия в формальных свойствах ²³.

²³ Данные [Arnott 1970] свидетельствуют о том, что рефактивные глаголы на *-t* ведут себя несколько иначе, чем реверсивные, с точки зрения залога. Во всех парах, относимых им к реверсиву, исходный и производный глагол употребляются с одинаковыми залоговыми показателями (актив — актив или медий — медий) В парах, причисляемых им к рефактиву, возможна как ситуация с сохранением исходного залога (медий — медий, несколько лексикализованных пар актив — актив), так

Помимо рефактивного и реверсивного значений у показателя *-t* отмечаются значения интенсива и рефлексивные употребления (см. пп. 3.3.1 и 5.1.1), так что, строго говоря, в данном случае можно предполагать опосредованную связь рефактивных значений с реверсивом. Нет ни типологических данных, ни семантических оснований, которые позволили бы постулировать непосредственную семантическую связь между реверсивом и рефлексивом. О возможности же совмещения реверсивного значения с интенсивным говорят данные языков банту (в некоторых языках рефактивное значение соответствующего показателя также засвидетельствовано, в некоторых нет), хотя семантическая связь между этими значениями не кажется очевидной.

Тем не менее, вероятной кажется более тесная связь реверсива именно с рефактивной зоной. В [Breedveld 1995] делается предположение о развитии у показателя *-t* в фула как всех рефактивных значений (репетитивного, реститутивного, респонсивного), так и реверсивного из пространственного значения *редитива* (также отмечаемого у этого суффикса). Пространственная метафора реверсивного действия как *обратного* (ср., например, наречие *на-оборот* в русском, развивающее на основе той же пространственной метафоры значение, близкое к реверсивному) достаточно правдоподобна, развитие же рефактивного значения из редитивного — типологически самый распространенный сценарий развития рефактива.

Менее убедительные, чем для фула, свидетельства полисемии реверсива с рефактивной зоной имеются в отдаленно родственном ему языке манканья (см. ниже) и в некоторых языках банту. В большинстве языков банту есть деривационный суффикс *-*ud*²⁴. Во многих банту встречается также редуцированная форма *-*udud*. Подробнее о деривационных суффиксах банту см.

и с меной залога (актив — медий). Однако непонятно, насколько, исходя из этих данных, можно считать, вслед за Арнотом, тенденцию к употреблению в медиальном залоге определяющей для рефактивного *-t* и видеть в этом принципиальное формальное отличие рефактивного *-t* от реверсивного.

²⁴ Реконструируемая форма прото-банту (см. [Schadeberg 2003]). В разных языках согласный может принимать форму *r*, *l*, *n*, гласный — форму *o*, *u* и др.

[Westphal et al. 1974; Hyman 2007] (в сопоставлении с системами глагольной деривации других языков нигер-конго), [Lodhi 2002; Schadeberg 2003: 72–79], подробнее о реверсивном суффиксе — [Dammann 1959; Schadeberg 1982]. У суффикса *-*ud* обычно выделяется две группы употреблений: первая наиболее многочисленная и семантически однородная — группа реверсивных употреблений, вторая — немногочисленная группа семантически разнородных и идиоматизированных употреблений, иногда объединяемых в описаниях под общим названием репетитивных (ср., например, противопоставление *inversiva* vs. *repetitiva* в [Dammann 1959]). Различие в синхронном статусе двух групп употреблений с той или иной степенью эксплицитности подчеркивается в большинстве работ по банту: чаще всего реверсивные употребления рассматриваются как основные, не-реверсивные — как периферийные. Например, в [Coupez 1985: 37] для языка руанда нереверсивные употребления описываются как «псевдодеривация». Для нереверсивных употреблений суффикса *-*ud* / *-*udud* характерны прежде всего значения интенсива и рефактива (репетитива, реконструктива), ср. примеры из языка лунда:

(36) лунда (банту, Замбия), [Kaumba Kawasha 2003: 167]

a. *kómb-* ‘почистить’ — *kómb-olol-* ‘вычистить дочиста’

b. *sot-* ‘приклеить’ — *sot-olol-* ‘переклеить’

В частности, рефактивные употребления, наряду с реверсивными и в некоторых случаях также интенсивными, зафиксированы у суффикса *-*ud* / *-*udud* в языках лунда [Kaumba Kawasha 2003: 167], ндонга [Fivaz 1986: 96] (*-ulul*), руанда [Coupez 1985: 37–38] (*-urur* / *-ür*), квангали [Dammann 1957: 74–75] (*-ur* / *-or*, *-urur* / *-oror*), венда [Poulos 1990: 185–186] (*-ulul* / *-olol*), кимбунду [Chatelain 1888: 101–102] (*-ulul*), лвена [White 1949: 34–35] (*-ulul* / *-unun* / *-olol* / *-onon*), шона [Fortune 1955: 222] (*-urur* / *-oror*), ила [Smith 1964: 130–131] (*-ulul* / *-unun* / *-onon*), северном сото [Poulos, Louwrens 1994: 144–145] (*-oll*), монго [Hulstaert 1965: 271–273] (*-ol*), конго (*-ul*, *-ulul*) [Laman 1934: 209–210], герепо [Möhlig, Kavari 2008] (*-oror* / *-urur*), ламба (*-ulul*) [Lodhi 2002]. В некоторых языках форма *-*ud* имеет только реверсивное значение, а редуцированная форма *-*udud* — только рефактивное и интенсивное: например, в кихолу [Daeleman 2003: 34] (*-ulul*), луба [Kabuta 1998: 130] (*-ulul*).

Для некоторых языков отмечаются также отдельные употребления, близкие к интенсивным, которые можно характеризовать как дистрибутивные, мультипликативные или комплетивные:

- (37) лвена (банту, Замбия), [White 1949: 34]
hand- ‘делить’ — *hand-unun-* ‘отделять много вещей друг от друга’
- (38) шона (банту, Зимбабве), [Fortune 1955: 222]
tuk- ‘проклинать’ — *tuk-urur-* ‘проклинать многократно, с повторениями’

В монго [Hulstaert 1965: 271–273] и конго [Laman 1934: 210] выделяется, помимо реверсивных, рефактивных и интенсивных, небольшая группа каузативных употреблений:

- (39) монго (банту, Конго), [Hulstaert 1965: 273]
- a. *-komb-* ‘закрывать’ — *-komb-ol-* ‘открывать’
 - b. *-leng-* ‘надрезать’ — *-leng-ol-* ‘отрезать’
 - c. *-lɔmb-* ‘спрашивать’ — *-lɔmb-ol-* ‘переспрашивать’
 - d. *-láng-* ‘слушать’ — *-láng-ol-* ‘заставлять слушать’

Вопрос о том, постулировать ли семантическую взаимосвязь между реверсивными, рефактивными и прочими употреблениями соответствующих суффиксов в банту, и если да, то как ее интерпретировать, решается разными исследователями по-разному. Одна из возможностей — считать ситуацию в банту проявлением синхронной полисемии, а одно из представленных выше значений — семантически и диахронически исходным. Главным кандидатом на роль исходного значения представляется на материале банту «основное» — реверсивное — значение (особенно наглядным кажется именно такое направление для языков, в которых реверсивное значение выражается простой формой, а рефактивное и/или интенсивное — редуцированной). Интерпретация, при которой реверсивное значение считается исходным, а рефактивное и интенсивное — параллельно развиваются из реверсивного при распространении соответствующего показателя на больший объем глагольной лексики, чем тот, что совместим с собственно реверсивным значением, предлагается, например, в статье [Schadeberg 1982]. Связь рефактива с реверсивом Т. Шадеберг объясняет, вслед за [Fortune 1955], предлагающим ту же интерпретацию для реверсива-рефактива в шона, тем фактом, что повторение действия предполагает в качестве важного компонента ликвидацию результата исходного действия (т.о., например, ситуация *переписать* может

осмысляться как *написать наоборот, противоположно* тому, как было написано в прошлый раз). Правда, логически та же идея необходимости ликвидации результата позволяет предположить и обратный переход от репетитивного значения к реверсивному: обратная, реверсивная ситуация в определенном смысле повторяет исходную (например, естественным переосмыслением операции *повторно открыть* применительно к уже открытой двери будет *закрытие двери*). Но, как было отмечено выше, для банту такой семантический переход кажется менее естественным. В [Dammann 1959] для банту в целом и в [Fivaz 1986: 96] для языка ндонга предлагаются интерпретации, сближающие реверсивное, рефактивное и интенсивное значения через общую для всех этих значений идею «отклонения ситуации от нормального протекания» (в случае реверсива ситуация обратна «нормальной», в случае рефактива — добавочна или дополнительна по отношению к «нормальной», в случае интенсива — превосходит нормальную по интенсивности). Обе гипотезы кажутся несколько искусственными и не имеют на материале банту конкретных подтверждений.

Другая логическая возможность — считать синхронные значения суффикса **-ud* в банту рудиментами полисемии, существовавшей на более раннем этапе диахронического развития и не искать непосредственной связи между существующими значениями (особенно учитывая достаточную степень лексикализации суффикса). В этом случае **-ud*-реверсив и **-ud*-рефактив естественнее всего рассматривать на синхронном уровне как два омонимичных суффикса. Так **-ud* интерпретируется, например, в описаниях [Kaumba Kawasha 2003] (лунда) и [Coupez 1985] (руанда), ср. также теоретическое обоснование этой позиции в [Плунгян 1992: 132–139].

Таким образом, ни материал фула, ни материал банту, ни их сопоставление не дает ясной картины взаимосвязи рефактивного значения с реверсивным, однако сам факт наличия рефактивно-реверсивной полисемии в двух генетически не самых близких группах языков позволяет предполагать для подобной взаимосвязи некоторые семантические основания, пока, может быть, не до конца понятные.

3.4.2. Реверсив и реститутив: «две стороны одной медали». Отдельно следует упомянуть о взаимодействии значений ре-

версива и реститутива. Реститутивное значение — одно из основных значений рефактивной зоны — в определенном смысле антонимично реверсивному. Реверсив обозначает ситуацию, в некотором смысле противоположную ситуации, описываемой исходным глаголом. Реститутив, наоборот, обозначает ситуацию, аналогичную описываемой исходным глаголом, и противоположную некоторой — неназванной — предшествующей. Ср., например, замечания о семантическом «параллелизме» реститутива и реверсива на примере употреблений английского наречия *again* в [Cruse 1997: 105]. Исходя из этого, можно было бы предположить, что реститутивное и реверсивное значения не должны выражаться в языке одним и тем же показателем (то есть, если предположить диахроническое развитие обоих значений из значения редитива, язык должен выбирать либо реститутивный, либо реверсивный путь распространения редитивного значения на непространственную лексику). Ср. обсуждение этой проблемы и подобное предположение в [Шлуинский 2005].

В действительности же и в атлантических языках, и в банту такое совмещение значений оказывается возможным. Интересно, что в грамматике фула [Arnott 1970], где суффикс *-t* с рефактивным значением и суффикс *-t* с реверсивным значением описываются как два омонимичных суффикса, значительная часть реститутивных употреблений причисляется к особому подклассу реверсивного *-t*, а не к рефактивному *-t*²⁵, в том числе, например:

- (40) фула (атлантические, Западная Африка), [Arnott 1970: 341]
few-a ‘быть холодным’ — *few-t-a* ‘становиться холодным,
 (повторно) охлаждаться’

Суффикс *-öš* в другом атлантическом языке — манканья — описывается в грамматике [Trifković 1969: 144] как реверсивный (*döø* ‘закрывать’ — *döø-öš* ‘открывать’). Тем не менее, в качестве примеров в грамматике приводятся, в частности, употребления, которые скорее можно интерпретировать как лексикализованный реститутив (*ḡiip* ‘копать’ — *ḡiip-öš* ‘раскапывать заново заваленную яму’). Других рефактивных значений у суффикса *-öš* не от-

²⁵ Это согласуется и с отмечаемой Арнотом тенденцией к употреблению рефактивного суффикса в меди: приводимые им реститутивные глаголы употребляются, как и реверсивные, в активном залоге.

мечается. Таким образом, в этом языке реверсивное и реститутивное значение не только совмещаются в одном показателе, но и являются единственным пересечением рефактивной и реверсивной семантических зон.

В грамматике [Fivaz 1986] языка ндонга (банту) для реверсивно-рефактивного суффикса *-ulul* приводятся не только примеры на реститутивное и реверсивное употребление с разными глагольными лексемами, но и антонимичные употребления с одной и той же лексемой:

(41) ндонга (банту, Намибия), [Fivaz 1986: 96]

tungá ‘построить’ — *okuutung-ulul-á* 1) ‘восстановить’ (реститутив); 2) ‘разрушить’ (реверсив)

Объяснить совмещение значений реститутива и реверсива можно следующим образом. Положим, что у некоторого показателя реверсивное значение и значения рефактивной зоны параллельно развиваются из значения редитива. Тогда значение реститутива, самое близкое к редитивному (см. п. 1) и промежуточное между ним и другими значениями рефактивной зоны, неизбежно окажется в числе значений этого показателя наряду с реверсивным.

Таким образом, логически как будто бы аномальное совмещение реститутива и реверсива объяснимо с диахронической точки зрения и засвидетельствовано в некоторых языках. Тем не менее, возможно, тенденция к тому, чтобы блокировать подобное совмещение, все-таки существует, и как раз проявлением этой тенденции можно объяснить относительную редкость совмещения значений рефактивной зоны с, казалось бы, семантически достаточно близким значением реверсива.

4. Фазовые значения: континуатив

Рефактивная зона смыкается с группой фазовых аспектуальных значений (значения, указывающие на временную фазу ситуации — прежде всего, середину и конец)²⁶. И связь эта, как будет показано ниже, обусловлена не только и не столько собственно близостью основных компонентов значения, сколько наличием

²⁶ Данное употребление термина «фазовые значения» не общепринято, см. подробное обсуждение этой группы понятий в [Плунгян 2011].

общих для рефактивной и фазовой зон дополнительных семантических оттенков, связанных с ожиданиями говорящего.

Наиболее частотным является совмещение рефактивных значений со значением континуатива ('продолжать делать, все еще делать'). Имеются также очень немногочисленные и фрагментарные данные по совмещению рефактивного значения с терминативным или комплетивным ('завершающая стадия ситуации'), в данной работе они подробно не рассматриваются.

Обзор типологических данных по полисемии рефактива и континуатива дан в п. 4.1. Континуативное значение семантически достаточно близко к центральному значению рефактивной зоны — репетитивному. В обоих случаях речь идет о значениях с пресуппозитивным компонентом. В случае репетитивного значения в пресуппозиции находится предшествующая ситуация, аналогичная рассматриваемой. В случае континуативного — предшествующая фаза той же ситуации. В п. 4.3 рассматриваются более периферийные значения рефактивной зоны — аддитив и рефактивный континуатив как промежуточные между репетитивным и континуативным значениями. Там же обсуждается общий для рефактива и континуатива дополнительный семантический компонент противоречия ожиданиям. П. 4.2 посвящен взаимодействию рефактива и континуатива с аспектуальными характеристиками глагола: репетитив рассматривается как естественная перфективная пара к аспектуально «дефектному» значению континуатива.

*4.1. Полисемия рефактив — континуатив:
типологические данные*

Совмещение рефактивных значений со значением континуатива ('продолжать делать, все еще делать') достаточно частотно. Ср. примеры из [Broadwell 2006: 316–317] на рефактивное и континуативное употребление суффикса *-moma* в языке чокто:

(42) чокто (мускогские, Оклахома), [Broadwell 2006: 317]

a. *hattak-ma piláashaash afaama-li-tokat*
man-DEM.ACC yesterday meet-1SG-PST.COMP.SS
himmah nittak afaama-li-moma-tok
now day meet-1SG-REP-PST

‘Того человека, которого я встретил вчера, я опять встретил сегодня’.

b. <i>ot</i>	<i>chokkowa-li-hma</i>	<i>taloowa-sh</i>
come.and	enter-1SG-when.DS-TNS	sing-PTCP.SS
<i>hhikiya-moma-tok</i>		
stand.INCOMPL-REP-PST		
‘Когда я вошел, он все еще пел’.		

Полисемия такого типа встречается в языках очень далеких друг от друга ареально и генетически. Так, совмещение рефактивного и континуативного значений засвидетельствовано для префикса *ga-* ‘опять, все еще’ в эве (ква) [Ameka 2008], для суффикса *-bu* в банджаланг (пама-ньюнга) [Sharpe 2005: 86–87], суффикса *-me* в дунгидьяву (пама-ньюнга) [Kite, Wurm 2004: 84–85].

Картина окажется более полной, если включить в рассмотрение многочисленные случаи полисемии рефактива с континуативом, встречающиеся за пределами глагольной аффиксации. Среди языков Европы следует упомянуть прежде всего романские языки (наречие *encore* во французском, *ancora* в итальянском (ср. анализ их семантики в [Tovena, Donazzan 2008]), частица *mai* в румынском [Donazzan, Mardale 2005]). В языках Африки значение рефактива и континуатива совмещают, например, вспомогательный глагол *bira* ‘повторять, продолжать’ в языке мбембе [Barnwell 1969: 221], «имперфективная частица» *bbáú* в языке кую [Glidden, Suellyn 1984: 48–50], вспомогательный глагол *-kong-*, входящий к глаголу ‘продолжать’, в монго [Hulstaert 1965: 314], вспомогательный глагол *sáhá* в языке супире (гур, Мали) [Carlson 1994: 345–346]. Среди языков Азии рефактивно-континуативная полисемия характерна для мон-кхмерских языков: показатель *lai* во вьетнамском [Thompson 1965], показатель *plən* в мон [Bauer 2006: 415–416], показатель *gay* в кхму [Smalley 1961: 26], также зафиксирована для показателя *ik* в тайском языке [Noss 1954: 73]. Полисемия рефактива-континуатива наблюдается также в некоторых малайско-полинезийских языках. В кендайан [Adelaar 2005: 83, 62–63] частица *agi?* в постпозиции к глаголу служит рефактивным маркером, а в препозиции — континуативным. Показатель (*l*)*agi* в муаланг [Tjia 2007: 195] функционирует как аспектальная частица с континуативным значением («дуратив») и как наречие с рефактивным значением. Репетитивные и континуативные употребления имеет частица *xai(si)* в удэгейском языке [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 439]. В [Watanabe 2003: 525] как один и тот же элемент в разных морфосинтаксических позициях рассматривается континуативный показатель *qəji* (препозитивная частица) и рефактивная энклитика *qil* в комокс (салишский).

4.2. Рефактив и континуатив: взаимодействие с аспектуальными характеристиками глагола

Для языков с рефактивно-континуативной полисемией характерна ситуация, когда соответствующий показатель выражает значение континуатива в сочетании с имперфективными глагольными формами и рефактивное значение в сочетании с перфективными глагольными формами. Например, показатель *sáhá* в языке супире имеет рефактивное значение при употреблении с перфективной частицей *á* и континуативное значение при употреблении с прогрессивной частицей *na* [Carlson 1994: 345–346]:

(43) супире (гур, Мали), [Carlson 1994: 345–346]

a. *tu sáhá á pa*
you REP PFV come
‘Ты опять пришел’.

b. *fwòròbà sáhá na nyε la*
cooperative REP PROG be Q
‘Неужели кооперативы все еще существуют?’

В статье [Tovena, Donazzan 2008] на примере английского рефактивного наречия *again*, с одной стороны, и итальянского наречия *ancora* и французского *encore*, с другой стороны, предлагается выделять два типа рефактивных показателей в зависимости от того, как они ведут себя применительно к формам с имперфективной интерпретацией. Показатели первого типа выражают то же репетитивное (или реститутивное) значение, что и в перфективных формах (*he's happy again* ‘он снова — как раньше — счастлив’, *he's reading again* ‘он снова — как раньше — читает’). Показатели второго типа имеют континуативную интерпретацию (*il est encore heureux* ‘он все еще счастлив’, *il est encore en train de lire* ‘он все еще читает’). В более широкой типологической перспективе ситуация кажется более сложной: рефактивный показатель может иметь в имперфективных формах и континуативную, и репетитивную интерпретацию (как, например, частица *bbáy* в языке куо [Glidden, Suellyn 1984: 48–49]) или вообще не сочетаться / ограниченно сочетаться с имперфективными формами и классами глаголов, не допускающими перфективной интерпретации (например, рефактивный суффикс *-gi* в удэгейском языке не сочетается с глаголами психического со-

стояния [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 317]). Тем не менее, важно, что, во-первых, осмысление точечного события как повторного, видимо, прагматически более естественно, чем соответствующее осмысление длящейся ситуации, и это влечет за собой бóльшую избирательность в поведении рефактивных показателей применительно к имперфективным формам, во-вторых, наиболее характерной имперфективной «парой» к репетитивному значению является континуативное.

4.3. Семантическая связь рефактивной зоны с континуативом: рефактивный континуатив, аддитив, противоречие ожиданиям

Континуативное значение указывает на срединную фазу ситуации, то есть на то, что 1) ситуация началась до рассматриваемого момента, 2) ситуация не закончилась к рассматриваемому моменту. От нейтрального значения прогрессива континуатив отличает обязательный семантический компонент оценки ситуации говорящим: тот факт, что ситуация к рассматриваемому моменту имеет место, не соответствует его ожиданиям ('ситуация должна была закончиться, но продолжается'). Семантический компонент 'наличие ситуации в рассматриваемый момент противоречит ожиданиям говорящего' объединяет континуативное значение со значением 'продолжения после перерыва', названного выше рефактивным континуативом (см. п.1). Два этих — на самом деле разных — значения часто выражаются в языке одним и тем же средством.

Независимое и совмещенное выражение континуатива и рефактивного континуатива можно проиллюстрировать на материале лексических показателей русского языка. Только континуативное значение выражается сочетанием *все еще*:

(44) *Надя управилась с посудой, а Служкин все еще читал.* [А. Иванов. Географ глобус пропил. НКРЯ]

(45) **Он отложил книгу, налил себе чаю, а потом все еще читал.*

Только рефактивно-континуативное значение выражается конструкцией *вернуться к*:

(46) *Судьба его — как большинства классиков — была нелегкой и включала, между прочим, арест и не то Соловки, не то высылку*

в Сибирь. Но теперь он благополучно **вернулся** к преподаванию в Ленинграде. [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. НКРЯ]

Совмещение значений континуатива и рефактивного континуатива наблюдается для конструкции с глаголом *продолжать* / *продолжить*:

- (47) Одна Собачонка, я видел, жутко перетрусилась, хотя и **продолжала** визжать, как зарезанная. [В. Кунин. Кыся. НКРЯ] // ^{ок}...**хотя все еще** визжала, как зарезанная. континуатив
- (48) Она визжала, носилась по каюте, кувыркалась на хозяйских кроватях... За что получила от него увесистый шлепок... А потом **продолжала** визжать, лаять, скакать и кувыркаться, как ни в чем не бывало... [В. Кунин. Кыся. НКРЯ] // *...а потом **все еще** визжала, лаяла, скакала и кувыркалась... рефактивный континуатив

Естественным образом смыкаясь с континуативным значением, рефактивный континуатив упоминался выше как одно из частотных значений рефактивной зоны. Естественно предположить, что именно это значение связывает рефактивную зону с континуативом, ср. примеры из языка банджаланг на континуативное (48a), рефактивно-континуативное (48b) и репетитивное употребление одного и того же показателя (48c):

- (49) банджаланг (пама-ньюнга, Австралия), [Sharpe 2005: 131, 129]
- a. *ñula gannga-lih-ngu-bu ngurahm-wan.ga-hn*
 3М think-NMLZ-ABL-REP asleep-INC-IPFV
 ‘Все еще думая, он уснул’.
- b. *gundeh-gal yan.ga-hn-bu*
 there-after go-IPFV-REP
 ‘{На полпути они остановились и поели.} После этого они продолжили путь’.
- c. *dirahnggan-du waba-hn-bu*
 witch-ERG look-IPFV-REP
 ‘Дирангган еще раз посмотрел {и увидел женщину}’.

В качестве параллели к значению рефактивного континуатива (продолжение ситуации после перерыва), служащему точкой пересечения для рефактивной и фазовой семантических зон, можно указать еще одно — типологически более редкое значение рефактивных показателей. Речь идет об употреблении рефактива в контекстах завершения ситуации после перерыва (типа *допеть недопетую вчера песню*), отме-

чаемых, например, для агульского и адыгейского рефактивов ([Maisak, Merdanova 2011; Аркадьев рукопись: 20–21]). Подобные употребления сближают рефактив с еще одним фазовым значением — терминативным. Тем не менее, мы не располагаем надежными данными о возможности употребления рефактива в контексте завершения ситуации без перерыва (типа *допеть песню на одном дыхании*), которые позволили бы говорить о совмещении значений рефактива и терминатива, аналогичном совмещению рефактива с континуативом.

Достаточно близким к континуативному кажется также такое значение рефактивной зоны, как аддитив — ‘реализация ситуации с дополнительной порцией инкрементального участника’. С одной стороны, аддитивное значение часто выражается показателем с широким кругом рефактивных значений. С другой стороны, совмещение аддитивного значения с континуативным также отмечается, ср. пример на собственно континуативное и аддитивное употребление континуативного суффикса в сино-тибетском языке цян:

(50) цян (тибето-бирманские, Китай), [Huang 2005: 12]

a. *the stuaha tea-te*
3SG food CONT-eat
‘Он(а) еще ест’. континуатив

b. *a-zə a-tei-z*
a-little DIR-CONT-eat
‘Съешь еще немного!’ аддитив

Возможна и полисемия континуатив-репетитив-аддитив, как, например, у частицы *mai* в румынском языке:

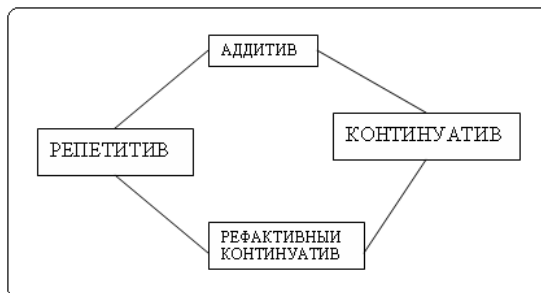
(51) румынский, [Donazzan, Mardale 2005]

a. *Ion mai merge la bibliotecă*
John REP goes at library
‘Иван все еще ходит в библиотеку’. континуатив

b. *Ion mai vine în Paris la toamnă*
John REP come in Paris at autumn
‘Осенью Иван опять поедет в Париж’. репетитив

c. *Ion mai vrea mere*
John REP wants apples
‘Иван хочет еще яблок’. аддитив

Аддитивное значение естественно интерпретировать как стоящее в определенном смысле на стыке рефактивной и континуативной зон. Для инкрементального контекста, в котором реализуется аддитивное значение, снимается противопоставление двух отдельных ситуаций (репетитив) vs. двух фаз одной ситуации (континуатив): положить несколько яблок + положить несколько яблок = положить несколько яблок.

Такая картина позволяет предполагать два логически равноправных диахронических сценария — от континуатива к рефактиву и от рефактива к континуативу. Первый: континуативный показатель через значение рефактивного континуатива или аддитива охватывает перфективные формы, давая с ними репетитивное значение. Второй: репетитивный показатель получает в имперфективной форме рефактивно-континуативную интерпретацию, а потом собственно континуативную. Рассмотренный пример из банджаланг заставляет предполагать скорее второй сценарий: основные употребления *-bu* — рефактивные (в том числе и в формах с имперфективной интерпретацией), континуативные маргинальны. Но есть и типологические свидетельства в пользу первого сценария. Например, в океанийском языке мекео [Jones 1998: 427] слово *gege* (*keke*), функционирующее в западном диалекте как финитный глагол с континуативным значением ‘продолжать’, в других диалектах функционирует как частица с рефактивным значением.

Отмеченный выше для континуативного значения семантический компонент противоречия ожиданиям объединяет его в целом с рефактивной зоной. Повторение ситуации часто оказывается прагматически неестественным, избыточным, противореча-

щим ожиданиям. О часто наблюдаемой полисемии рефактива со значениями неожиданности см. п. 6.1.1.

В [Tovena, Donazzan 2008: 95] разбираются следующие интересные, в контексте обсуждения пересечения значений рефактива, континуатива и неожиданности, примеры на употребление итальянского наречия *ancora* ‘все еще, еще (один), опять’:

- (52) итальянский, [Tovena, Donazzan 2008: 95]
- a. *Maria sta ancora leggendo.*
 - 1) ‘Мария все еще читает’.
 - 2) * ‘Мария опять читает’.
 - b. *Maria sta leggendo ancora!*
 - 1) ‘Мария все еще читает!’
 - 2) ‘Опять Мария читает!’ {хотя окулист запретил ей читать}

Рефактивная интерпретация, в принципе возможная для наречия *ancora*, в общем случае не допускается в прогрессивной конструкции со значением длящегося непредельного процесса, в этом случае выбирается континуативная интерпретация (пример 51a). Единственное исключение — употребление в финальной позиции с просодическим выделением (пример 51b). В этом случае *ancora* может иметь не только континуативную, но и рефактивную интерпретацию, но в обоих случаях имеется в виду не нейтральное, а эмфатическое значение, дополнительно подчеркивающее противоречие ожиданиям говорящего: ‘все еще читает, хотя должна была прекратить’ в (1), ‘опять читает, хотя не должна читать’ в (2).

Итак, в некоторых языках отмечаются случаи полисемии континуатива и рефактива. Эти два значения семантически достаточно близки. Оба они содержат пресуппозитивный компонент, указывающий на совершение ситуации до рассматриваемого момента. Различие состоит в том, соотносится ли с этой предшествующей ситуацией следующая фаза той же ситуации (континуатив) или новая аналогичная ситуация (рефактив). Таким образом, вопрос о противопоставлении в языке рефактива и континуатива vs. совместном их выражении упирается в вопрос о границе ситуаций. Один и тот же фрагмент действительности может быть представлен в языке как единая ситуация с несколькими фазами или почленен на две отдельные ситуации. Континуатив-рефактив типологически представляет в этом отношении одну из точек вариативности: в зависимости от того, насколько релевантным оказывается разграничение двух аналогичных си-

упомянуть также показатель *-уо* в салиба, выступающий в той же функции [Margetts 1999: 334–335].

В языках Океании отмечается также множество неморфологических показателей рефактива-рефлекси́ва: ср. ново-ирландские языки ха-лиа (показатель *pouts*) [Allen 1987: 77], вангуну [Lichtenberk 1991] и хоава [Davis 2003: 163, 49] (показатель *pule*); ново-каледонийские языки тинрин (показатель *mwâgi*), харачуу (показатель *mûgê*), харагуре (показатель *mûgê*) и меа (показатель *mwâi*), паичи (показатель *côwa*), хуаилу (Ajië) (показатели *yâi* и *těë*) [Moysse-Faurie 2008]; а также в языках тавала (показатель *me-/meme*) [Ezard 1997: 136]; ненгоне (показатель *yawe*) [Moysse-Faurie 2008]; маори (показатель *apoo*) [Bauer 1999]; иааи (Iaai) (показатель *hmetu*) [Moysse-Faurie 2008], наканаи (показатель *lou*) [Johnston 1980: 46–47] и др.

Кроме того, о связи рефактива и рефлекси́ва можно говорить применительно к таким языкам, как банджаланг (пама-ньонга) (показатель *-bu*) [Sharpe 2005: 86–87]; абхазо-адыгские: адыгейский (показатель *-ž'ə-*) [Рогава, Керашева 1966: 312], кабардинский (показатель *-ž-*) [Абитов и др. 1957: 133]; фула (показатель *-t-*) [Arnott 1970: 341–344], атапаскский язык бабин-вицуви-тен (показатель *ne-*) [Hargus 2007: 439–440].

5.1.1.1. Именные vs. глагольные рефлексивы. Следует говорить, что понимается применительно к данным случаям под использованием рефактивных показателей в рефлексивном контексте. Ни в одном из вышеперечисленных языков показатель рефактива не является обязательным глагольным рефлексивным маркером, устраняющим объектную валентность глагола (типа русского *-ся*).

В ряде случаев речь идет об именных рефлексивах. Соответствующий показатель, присоединяясь к глаголу, выражает рефактивное значение, а присоединяясь к личному местоимению, превращает его в рефлексивное. Среди вышеперечисленных языков именные рефлексивы с рефактивным маркером зафиксированы в маори, харагуре, паичи, банджаланг. См. пример из банджаланг:

(54) банджаланг (пама-ньонга, Австралия), [Geytenbeek, Geytenbeek 1971: 15]

njule-bu *gawga-ni* *djuŋuŋ-u*
он-REF резать-AOR нож-INSTR
'Он порезался ножом'.

Для языков Океании характерен также промежуточный случай, когда рефактивный показатель в рефлексивной конструкции присоединяется к глаголу, но объектная валентность глагола сохраняется и заполняется соответствующим личным показателем. Так, в примере (55) из языка салиба рефактивный показатель *-ууо-* употреблен при глаголе ‘видеть’ в рефлексивном контексте. Глагол при этом остается формально переходным и оформляется лично-числовым объектным показателем *-гаи*:

(55) салиба (океанийские, Папуа Новая Гвинея), [Margetts 1999: 334–335]

ya-kita-ууо-i-gau

1SG-видеть-REF-APPL-1SG.OBJ

‘Я увидел себя’ (букв.: ‘Я увидел опять меня’).

5.1.1.2. Рефактивный маркер как вспомогательное средство во рефлексивизации. Во многих из рассмотренных языков глагольные показатели рефлексива-рефактива нельзя считать показателями рефлексива в строгом смысле, поскольку они являются не единственным средством, кодирующим рефлексив, а дополнительным и часто факультативным.

Так, в фула те употребления суффикса *-t-*, которые анализируются как рефлексивные, сопровождаются сменой залога (с активного на медиальный), и в некоторых описаниях (например, в [Breedveld 1995]) именно это считается основным средством кодирования рефлексива, а про рефактивный суффикс постулируется, что он употребляется в данном случае в значении, близком к исходному рефактивному, дополняя рефлексивную семантику²⁷.

В адыгейском (аналогичная ситуация в кабардинском) рефактивный суффикс *-ž’ə-* употребляется в рефлексивных контекстах факультативно вместе со специализированным показателем рефлексива *ze-*:

(56) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Рогава, Керашева 1966: 312]

ze-рлə -ž’ə-к

REFL-смотреть-REF-PST

‘Он посмотрел на себя’.

²⁷ Ситуация несколько усложняется тем фактом, что, по описанию [Arnott 1970], большинство рефактивных употреблений *-t-* также предполагает мену залога.

В [Аркадьев рукопись] так же, как и для фула, предлагается считать, что в таких употреблениях мы имеем дело не с особым рефлексивным значением рефактивного показателя, а с прежним рефактивным значением, удачно вписывающимся в рефлексивный контекст.

В бабин-вицувитен рефактивный префикс *ne-* также употребляется в рефлексивных контекстах наряду со специализированными показателями рефлексива и специальным аффиксом *-d-*, относительно функций которого нет однозначного мнения в литературе по атапаскским языкам. В статье [Кибрик 2008], специально посвященной этому и двум другим аффиксам той же серии, показано, что основной его функцией является общее указание на понижающую актантную деривацию (в частности, рефлексив), тогда как конкретный тип деривации дополнительно задается специализированными аффиксами. Это интересно с той точки зрения, что показатель *-d-* в бабин-вицувитен и других атапаскских языках часто употребляется совместно с рефактивным показателем не только в рефлексивных, но и в рефактивных контекстах²⁸. Таким образом, рефактив в атапаскских языках в каком-то смысле осмысливается как понижающая деривация, что представляет дополнительный интерес в контексте рассуждений о связи рефактива с рефлексивом.

5.1.1.3. Рефактивный показатель в рефлексивном контексте: функция интенсификатора. И в языках с именными, и в языках с глагольными рефлексивными конструкциями рефактивный показатель оказывается факультативным средством выражения рефлексивного значения наряду с некоторым обязательным или одним из нескольких альтернативных рефлексивных показателей, морфологически более сложным. В таких случаях это, как правило, более периферийный рефлексивный маркер, используемый в наиболее выделенных, эмфатических контекстах, «тяжелый рефлексив» в терминологии [Kemmer 1993]²⁹. Например, в

²⁸ Правила употребления *-d-* в рефактивных контекстах достаточно тонкие и, видимо, различны для разных языков. См., например, корпусное исследование рефактивных употреблений *-d-* в танайна [Berez, Gries to appear].

²⁹ В соответствии с предположением С. Кеммер, если в языке есть несколько средств выражения рефлексивного значения, то морфологи-

языках паичи и хуаилу рефлексивное значение может выражаться с помощью глагольного префикса («легкое» средство) или с помощью комбинации глагольного префикса и рефактивного показателя («тяжелое» средство). Как показано в [Moyse-Faurie 2008], второй способ выражения рефлексива используется в эмпатических контекстах:

(57) хуаилу (океанийские, Новая Каледония), [Moyse-Faurie 2008: 149]

na de vi-êrê è tēē yè padii-e
 3SG ASS REFL-говорить 3SG REP OBL брат-POSS.3SG
na Maria
 SM Мария

‘Мария говорит своему брату о самой себе [а не о ком-то еще]’.

И формально, и функционально рефактивные показатели в рефлексивном контексте оказываются, таким образом, близки к интенсификаторам, употребление которых в рефлексивной функции (ср. английское *himself*) более частотно и широко известно (см., например, [Лютикова 2002]). Интенсификаторы также, прибавляясь к личному или специализированному рефлексивному местоимению, часто выступают в языке в качестве «тяжелого» эмпатического рефлексивного средства на фоне некоторого нейтрального.

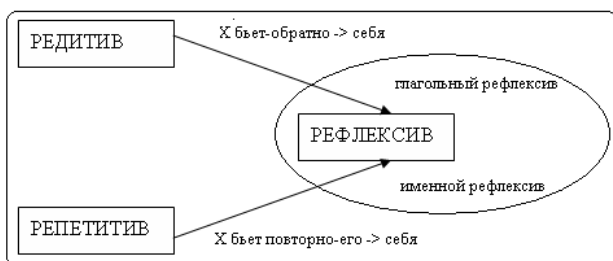
5.1.1.4. Рефактив и рефлексив: семантические связи. Что касается семантической связи рефактивной зоны с рефлексивным значением, то интуитивно наиболее естественным кажется предположение о связи через значение редитива. Рефлексивное действие можно представить как метафорически направленное субъектом ситуации **обратно** к самому себе³⁰. Подобное объяснение независимо предлагается в [Lichtenberk 1991] для вангуну и паама и в [Аркадьев рукопись: 18] для адыгейского языка.

чески более простое используется в более нейтральных контекстах («легкий рефлексив»), а морфологически более сложное — в более эмпатических контекстах («тяжелый рефлексив») [Kemmer 1993: 25].

³⁰ Та же метафора используется в традиционных терминах «возвратный глагол», «возвратное местоимение».

При этом не противоречит интуиции и гипотеза о непосредственной семантической связи между рефлексивным и репетитивным значением.

Здесь следует вспомнить о противопоставлении глагольных *vs.* именных рефлексивов. Если для глагольного рефлексива связь между идеей повторного действия и рефлексивного действия не вполне очевидна, то в ситуации именного рефлексива, когда рефактивный показатель присоединяется к личному местоимению, указывающему на совпадающего с субъектом участника ситуации, она вполне прозрачна. Оформление участника ситуации рефактивным показателем метафорически указывает на то, что он появляется в ней — в новой роли — **еще раз, повторно**.

Итак, логически правдоподобными кажутся два варианта семантической связи. В пользу первого варианта говорят данные языков паичи, хуаилу и халиа, где рефлексивное значение выражает специализированный показатель редитива. В языке паичи в рефлексивной функции выступает наречие *sōwá* ‘обратно’, в хуаилу — частица *yâi* ‘обратно’ (наряду с частицей *têê* ‘опять’), в халиа — наречие *pouts* ‘обратно’. В пользу того же варианта семантического развития говорят данные языков, в которых рефлексив диахронически связан непосредственно с глаголом ‘возвращаться’, но не с рефактивным показателем. В океанийском языке банони [Lincoln 1976: 184–186] рефлексивная конструкция образуется с помощью глагола *geroo* ‘возвращаться’. В рефактивном значении (за исключением некоторых идиоматизированных выражений) эта конструкция не используется. В статье [Schladt 2000], посвященной источникам грамматикализации рефлексива, упоминается развитие показателя рефлексива из глагола ‘возвращаться’ в южноамериканском языке саньма.

В пользу гипотезы о непосредственной связи репетитивного значения с рефлексивным говорят данные языка маори. Наречие *anoo* в маори имеет значение репетитива ('еще раз') и рефлексивные употребления (именной рефлексив). По-видимому, в значении редитива ('обратно') оно употребляться не может, это значение выражается конструкциями с глаголом *hoki* 'возвращаться' и наречием *whakamuri* 'обратно'.

5.1.2. *Посессивный рефлексив*. В адыгейском и кабардинском языках рефактивный показатель употребляется также в значении посессивного рефлексива — для указания на кореферентность субъекта действия и обладателя объекта действия:

(58) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Рогава, Керашева 1966: 312]

'e ə-plə-ž'ə-k

рука 3SG.SBJ-смотреть-REP-PST

'Он_i посмотрел на свою_i/*его_j руку'.

В этом случае он употребляется не вместе со специализированным показателем, а в качестве единственного средства выражения рефлексивного значения.

В посессивных рефлексивных контекстах употребляется и рефактивный префикс *ne-* в бабин-вицувитен.

5.1.3. *Рефлексивный бенефактив*. Помимо полисемии с собственно рефлексивным значением, в некоторых языках отмечается полисемия рефактива с близким к рефлексивному значением рефлексивного бенефактива, или автобенефактива ('делать для себя'). Этот тип полисемии зафиксирован в языке карок [Bright 1957: 88–89] для приставки (*i*)*p-* (репетитив, реститутив, редитив, рефлексивный бенефактив):

(59) карок (хока, Калифорния), [Bright 1957: 88]

a. *'áko* 'ударить' — *p-áko* 'ударить еще раз'

b. *iykara* 'убивать' — *p-iykara* 'убивать для себя, напр., забивать (скот)'

В атапаскском языке бабин-вицувитен [Hargus 2007: 439–440] рефактивная приставка *ne-* служит вспомогательным элементом, с одной стороны, как отмечено выше, в рефлексивной конструкции, с другой стороны — в рефлексивно-бенефактивной конструкции.

Среди неморфологических показателей тот же тип полисемии демонстрирует лексема *fāan* в кантонском китайском [Matthews, Yip 1994: 214], которая функционирует как глагол со значением ‘возвращаться’ и как частица со значениями рефактивной зоны, с одной стороны, и рефлексивного бенефактива (‘для себя, в свою пользу’), с другой стороны.

Как и собственно рефлексивное значение, значение рефлексивного бенефактива, скорее всего, связано с рефактивной зоной через значение редитива. Оно присутствует у всех обсуждавшихся выше показателей, а у показателя *fāan* в кантонском китайском является основным и не совмещается с репетитивным. Для данного типа полисемии естественнее всего предполагать метафорический перенос типа ‘делать обратно’ → ‘делать обратно к себе’ → ‘делать в свою пользу’.

Рассмотренные в разделе данные показывают, что выражение рефлексивного значения с помощью рефактивных показателей, хотя и не является очень широко распространенным в языках мира явлением, но наблюдается, тем не менее, в языках достаточно далеких друг от друга географически и генетически. Основным ареалом распространения *again*-рефлексивов, по-видимому, следует считать Океанию. Сходные явления зафиксированы также в Австралии (банджаланг), на Северном Кавказе (абхазо-адыгские языки), в ряде ареалов Северной Америки.

В большинстве случаев использование показателей рефактива в рефлексивных контекстах не является единственным или основным средством кодирования рефлексивной ситуации. Отмечается тенденция к использованию рефактивных показателей для выражения неканонических рефлексивных ситуаций. В этом смысле рефактивные показатели в рефлексивных конструкциях можно сопоставить с интенсификаторами.

С точки зрения формальной структуры, рассмотренные случаи представляют собой крайне неоднородную группу. Рефлексивные показатели в рассмотренных языках сильно различаются по степени грамматикализации. Среди них представлены как глагольные, так и именные маркеры. В связи с этим вопрос о возможности межъязыкового отождествления всех этих случаев и единой семантической интерпретации остается открытым.

На основании представленного в работе материала разных языков можно, тем не менее, постулировать наличие двух типов

семантической связи между рефлексивным значением и значениями рефактивной зоны. Первый тип предполагает непосредственную связь рефлексива с редитивом, второй тип — предлагаемый для именных рефлексивов — предполагает непосредственную связь рефлексивного значения с репетитивным.

Помимо случаев использования рефактива в собственно рефлексивных контекстах, в некоторых языках засвидетельствовано его использование в контексте посессивного рефлексива ('делать со своим объектом') и рефлексивного бенефактива ('делать для себя'). Подобные употребления, видимо, основаны на той же метафоре, что и собственно рефлексивные.

5.2. Реципрок

В некоторых из рассмотренных выше языков с рефактивно-рефлексивной полисемией соответствующие показатели имеют, помимо рефлексивного, также реципрокальное значение. Таковы ново-каледонийские языки тинрин (показатель *mwâgi*), харачуу (показатель *mûgé*) и меа (показатель *mwâi*) [Moyse-Faurie 2008], а также маори (показатель *apo*) [Bauer 1999] и банджаланг (показатель *-bu*) [Crowley 1978]. Полисемия рефлексива и реципрока, как известно, широко распространена в языках мира (см. Nedjalkov (ed.) 2008). Возникает вопрос, обусловлено ли наличие у рефлексивной конструкции с рефактивным показателем значения реципрока только семантической близостью рефлексивного и реципрокального значений или существует также непосредственная семантическая связь между значениями рефактивной зоны и реципрокальным.

В пользу последнего утверждения говорят данные адыгейского языка и океанийского языка иааи, в которых рефактивный показатель используется и в рефлексивной, и в реципрокальной конструкции, но сами конструкции не тождественны. В адыгейском языке есть показатель рефлексива *ze-* и показатель реципрока *zere-*, оба факультативно сопровождаемые рефактивным маркером *-ž'ə-*. Ср. пример на употребление *-ž'ə-* с показателем реципрока:

(60) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Letuchiy 2007: 785]

zeč'e çəz-xe-r zere-лєк.-ž'ə-x

все человек-PL-ABS RECIP-видеть-REP-PL.SBJ

'Все люди видят друг друга (= встречаются).'

В языке иааи глагол *hmetu* является обязательной частью рефлексивной конструкции *ham*-POSS + V + *hmetu*. Он же факкультативно выступает в реципрокальной конструкции *û*-...-*kôu* + *hmetu* (см. [Moysse-Faurie 2008: 146–147]).

Есть и языки с реципрокально-рефактивной полисемией без рефлексивного значения. Например, в океанийском языке восточный амбаэ (диалект лоловоли) в реципрокальной (но не рефлексивной) конструкции используется рефактивное наречие *taligu* ‘опять’:

(61) восточный амбаэ (океанийские, Вануату), [Hyslop 2001]

<i>ra=u</i>	<i>wehe=ra</i>	<i>taligu</i>
3PL.SBJ	бить=3PL.OBJ	опять
1) ‘Они бьют друг друга’.		
2) ‘Они _i опять бьют их _j ’.		
3) * ‘Они бьют сами себя’.		

В языке мон показатель *plɔn* (восходящий к глаголу ‘поворачивать’) также имеет рефактивное и реципрокальное значения [Bauer 2006: 391].

Таким образом, рефактивное значение оказывается семантически связанным с реципрокальным не только опосредованно через значение рефлексива, но и непосредственно.

Семантическую близость реципрокального и рефактивного значений можно объяснить следующим образом. Реципрокальная ситуация состоит из двух подситуаций, которые в определенном смысле *повторяют* друг друга (ср. значение ‘еще раз’) и в определенном смысле направлены *в противоположном друг другу направлении* (ср. значение ‘обратно’). Различие между рефактивным и реципрокальным значениями состоит в подаче пропозиционального содержания высказывания. Каноническое рефактивное значение предполагает, что одна из ситуаций (повторяющая, противонаправленная) является ассертивным компонентом, а другая (повторяемая, исходная) находится в пресуппозиции. При реципрокальном значении обе ситуации находятся в ассерции. Можно предположить, что из частных значений рефактивной зоны ближе всего к реципрокальному значению респонсива (‘делать в ответ’). Тем не менее, надежных данных в пользу этой гипотезы у нас нет.

6. Модально-дискурсивные значения

Рефактивные показатели часто используются для выражения значений, которые можно объединить под общим именем модально-дискурсивных. Среди них, в частности, значения неожиданности или противоречия ожиданиям (п. 6.1), значение кульминации в нарративе (п. 6.2), значения, связанные с последовательностью изложения событий — ‘а потом’, ‘а еще’, ‘к тому же’ (п. 6.3), а также значение экспериентива (п. 6.4). Подобные употребления рефактива, как кажется, в большей степени характерны для лексических рефактивных средств, нежели для морфологических, что делает последующее изложение вынужденно неполным.

6.1. Значение неожиданности:

‘вдруг, неожиданно, вопреки ожиданиям’

В некоторых языках у рефактивных показателей отмечается значение неожиданности, противоречия ожиданиям. Ср. примеры на употребление префикса *um-* в океанийском языке сие [Crowley 1998: 104–105], который обозначает однократно повторяющиеся ситуации и «ситуации, развивающиеся сверх ожидаемого обычно»³¹:

(62) сие (океанийские, Вануату), [Crowley 1998: 104–105]

а. *um-omonki*

REP-drink

‘Пей опять!’

б. *y-ete* *m-ete* *yetwotal* *m-um-mah*

3.DISTPST-stay S.SG-stay short.while S.SG-REP-die

‘Она постояла немного и (вопреки ожиданиям) умерла’.

В тотонакском языке тепева-веветла [Watters 1988: 242; Kung 2007: 296–297] рефактивный суффикс *-pala* употребляется, в частности, когда «отмечается неожиданный ход событий или неуместное отношение или действие не одобряется говорящим»³².

³¹ «actions which take place over and above what is ordinary expected» [Crowley 1998:105]

³² «an unexpected turn of events is indicated or an unwarranted attitude or action is being reproved» [Watters 1988: 242, со ссылкой на Herzog, ms.]

Значение «противоречия ожиданиям говорящего» выделяется в [Аркадьев рукопись] в качестве одного из периферийных значений рефактивного суффикса -*ž'ə*- в адыгейском языке.

Среди неморфологических показателей рефактива с подобными употреблениями можно отметить следующие. Частица *anoo* в маори [Williams 1957: 10], показатель *lis* в языке лителитс (океанийский) [Crowley 2006: 132], наречие *lai* в амбонском малайском [Minde 1997: 254–255], клитика *-nyali* в гуниянди (бунаба) [McGregor 1990: 460, 467], частица *lai* во вьетнамском [Thompson 1965: 348–349].

Значение противоречия ожиданиям непосредственно смыкается с обсуждаемыми ниже значениями, указывающими на структуру дискурса, которые также часто отмечаются у рефактивных показателей. Неудивительно, что часто значение противоречия ожиданиям появляется у рефактивного показателя наряду с некоторым набором дискурсивных значений. Особенно показательны случаи, когда все подобные употребления формально противопоставлены собственно рефактивным. Например, в языке эджагам (бенуэ-конго, экойдные) [Watters 1981: 419–420] есть особая форма, называемая в описании «dependent temporal», которая характеризуется использованием рефактивного префикса *kpɔ́-* и особым тоновым оформлением³³. Она употребляется в значении ‘вдруг, внезапно’, особенно часто при глаголах восприятия (‘видеть, слышать’):

- (63) эджагам (бенуэ-конго, экойдные, Нигерия), [Watters 1981: 420]
à-kpɔ́-yúg *N-jòg* *à-ká-bá*
 3SG.DEP-REP-hear CLF-elephant CLF-PROG-come
 ‘{Он гулял в кустах.} Внезапно он (что-то) услышал. Шел слон!’

Та же форма с рефактивным префиксом отсылает к предшествующему упоминанию той же ситуации в дискурсе (см. подробнее п. 6.3.2.).

За описанием значения как указывающего на неожиданность, противоречие ожиданиям может стоять на самом деле целый ряд близких, но не вполне тождественных явлений. Ситуация

³³ Высокий тон на личном префиксе и рефактивном префиксе для третьего лица множественного числа, низкий тон на личном префиксе и рефактивном префиксе для остальных лично-числовых форм.

может противоречить ожиданиям говорящего, слушающего, субъекта ситуации или всех их в равной степени. Она может противоречить ожиданиям, возникающим на основании логики предшествующих по времени или ранее изложенных событий (здесь значение неожиданности смыкается с целым рядом значений, указывающих собственно на структуру дискурса) или на основании общих представлений о мире. Наконец, это может быть противоречие тем или иным конкретным ожиданиям (что событие не произойдет, что событие произойдет, что оно будет иным, что вместо него произойдет другое событие и т. д.) или отсутствие каких бы то ни было ожиданий. Имеющиеся данные по полисемии рефактива со значениями противоречия ожиданиям пока недостаточны для того, чтобы говорить о том, какого именно рода употребления для указания на неожиданность особенно характерны для рефактивных показателей. Понятно, тем не менее, что круг таких употреблений широк и неоднороден. Ср. некоторые примеры из упомянутых выше языков:

- (64) вьетнамский (мон-кхмерские, Вьетнам), [Thompson 1965: 348–349]

sao anh lại không đánh dây thép tru'ỏ'c
 почему ты REP NEG бить телеграмма раньше
 ‘Почему ты первым делом не послал телеграмму?’ Ожидание говорящего: произойдет противоположное событие.

- (65) тепева-веветла (тотонакские, Мексика), [Kung 2007: 297]

*maa toqlh 7an-paa juu laka-jip*³⁴
 RPT burning go-REP.PFV ART PREF-fire
 ‘Она (неожиданно) прыгнула в огонь’. У говорящего нет ожиданий относительно данной ситуации, она кажется ему маловероятной на основании энциклопедических знаний о мире.

Исходя из имеющихся данных, можно сказать, что значение неожиданности связано с рефактивной зоной через значение репетитива (ср., например, чисто репетитивный суффикс *-pala* в тепеуа). Объяснение данного типа полисемии может строиться на основании предположения о семантическом сходстве значений рефактива и неожиданности. Можно, например, постулировать метафорический перенос, при котором ситуация, происходящая

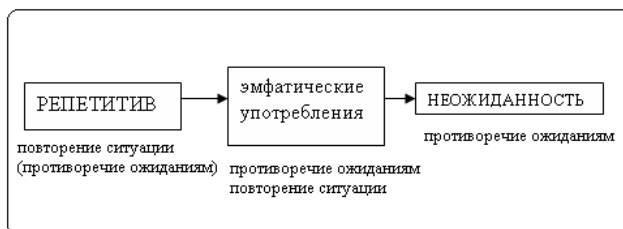
³⁴ 7 = ?

сверх ожиданий (значение неожиданности), осмысляется так же, как ситуация, происходящая сверх некоторой аналогичной ситуации (репетитивное значение). Подобные объяснения предлагаются, например, в [Minde 1997] для малайского.

Тем не менее, мы предлагаем несколько иное объяснение, связывающее этот тип полисемии с постепенным вынесением на первый план идеи неожиданности, сопутствующей рефактивному значению изначально, через эмфатические употребления рефактива. Значение однократного повторения ситуации само по себе предполагает прагматический компонент неожиданности. Ситуации в действительности повторяются гораздо чаще, чем говорящие сообщают об этом. Очень немногие ситуации реального мира абсолютно уникальны. Несколько огрубляя, можно считать, что репетитив в большей степени имеет отношение к представлению ситуации, чем к отражению ее денотативных особенностей, то есть речь идет не о противопоставлении повторных и неповторных ситуаций, а о противопоставлении ситуаций, для которых говорящему важно, что они повторные, и тех, для которых это неважно. Рассуждения на эту тему см. в [Wälchli 2006: 69–70, 103–104; Fabricius-Hansen 2001]. Часто употребление рефактивного показателя указывает не только на то, что ситуация является повтором, а еще и на то, что этот повтор противоречит ожиданиям говорящего (или слушающего, по мнению говорящего). Естественный семантический сдвиг в этом случае — вынести на первый план информацию о противоречии ожиданиям, а информацию о повторе ситуации оставить на втором плане. Именно такой сдвиг наблюдается в эмфатических употреблениях рефактивных маркеров типа следующего:

- (66) *Какой там этаж? Опять восьмой? Восьмой же вроде был...* [А. Хайт. Из сборников прошлых лет. НКРЯ] Ожидание говорящего: этаж не может быть восьмым, потому что на восьмом он уже был; основная коммуникативная задача говорящего — выразить удивление несоответствию своим ожиданиям.

Употребления, в которых семантический компонент неожиданности остается единственным, а семантический компонент повтора исчезает совсем, можно считать естественным продолжением того же процесса.

Связывая употребление рефактива в значении неожиданности с эмфатическими употреблениями рефактива, полезно обратиться к противопоставлению тяжелых и легких рефактивных показателей, введенному в [Wälchli 2006] (см. п. 3.1.2). Исходя из гипотезы о связи значения неожиданности с эмфатическими употреблениями рефактива, можно предположить, что значение неожиданности в наибольшей степени должно быть характерно для тяжелых рефактивных маркеров в терминологии Б. Вельхли. Таким образом, полисемия со значением неожиданности должна быть особенно характерна для наречий (прототипических тяжелых рефактивов), которые практически не вошли в нашу выборку. Тем не менее, такой тип полисемии, как было показано выше, отмечается и у морфологических показателей (ср. адыгейский, гуниянди, сие). Из них адыгейский показатель *-ž'ə-* вошел в выборку Вельхли, и анализ его употреблений показал, что они покрывают как зону, характерную для легких маркеров, так и зону, характерную для тяжелых маркеров, таким образом, наличие у него значения неожиданности не противоречит сформулированной выше гипотезе.

6.2. Кульминация в нарративе

В аравакских языках янеша (суффикс *-err*) [Duff-Tripp 1997: 87–88] и какинте (суффикс *-ah*) [Swift 1988: 51] отмечаются употребления показателей широкого рефактива для указания на кульминацию в нарративе. Ср. пример из янеша:

(67) янеша (аравакские, Перу), [Duff-Tripp 1997: 88]

y-achor-epa't *o' rr-atat-err-ey* *ačhcash*
 1PL.POSS-мать-SURPR PRF есть-CAUS-REP-1PL.OBJ карлик
 'Карлик дал нам мяса нашей матери!'

Такое употребление рефактивных показателей кажется близким к рассматриваемым выше эмфатическим употреблениям в значении 'противоречия ожиданиям', характерным для показателей рефактива во многих языках. В обоих случаях функция рефактивного показателя — маркировать некоторую выделенную

ситуацию. В случае ‘противоречия ожиданиям’ она, по мнению говорящего, противоречит логике развития описываемых событий, в случае ‘кульминации’ укладывается в нее, но не «на общих основаниях». Как и употребления в значении ‘противоречия ожиданиям’, употребления для указания на кульминацию, видимо, связаны (хотя и менее явным образом) с прагматической выделенностью, нетривиальностью ситуации повторения.

*6.3. Переосмысление идеи повторения в дискурсе:
‘к тому же’, ‘а потом’*

В данном разделе рассматриваются употребления рефактивных маркеров для поддержания связности дискурса, в которых так или иначе переосмысляется идея однократного повторения (репетитивное значение). Для репетитивного значения принципиальными являются две идеи: 1) упорядоченность ситуаций во времени (рассматриваемая ситуация следует за некоторой аналогичной) и 2) тождественность ситуаций (рассматриваемая ситуация аналогична предшествующей). Обе эти идеи эксплуатируются при переносном употреблении рефактивного маркера в дискурсивной функции. В п.6.3.1. рассматриваются «присоединительные» употребления рефактива (‘к тому же, кроме того, а еще’), в которых на первом плане оказывается идея тождества ситуаций, в п.6.3.2. — консекитивные употребления (‘а потом, позже’), для которых центральным моментом является упорядоченность ситуаций во времени.

Подобные дискурсивные употребления более характерны для неморфологических показателей рефактива. Предельным случаем грамматикализации лексического маркера рефактива в дискурсивной функции можно считать превращение его в сочинительный союз, как, например, во многих языках Индии — дравидийских и мунда. (Ср. также некоторые данные по грамматикализации рефактива в сочинительный союз в языках других семей и ареалов в [Mithun 1988: 353] и [Wälchli 2006: 89]). Для морфологических показателей рефактива данный тип дискурсивных употреблений, как кажется, менее характерен, поэтому в данной работе он рассматривается не очень подробно.

6.3.1. Присоединительное значение: ‘к тому же, кроме того, вдобавок, а еще’. Рефактивные показатели часто используют-

ся для указания на то, что описываемая ситуация в некотором смысле уподобляется некоторой ранее упомянутой (служит ее логическим продолжением, подтверждением, уточнением, частным случаем и т. п.). Более характерны такие употребления для неморфологических показателей.

Так, хорошо известны подобные употребления рефактивных наречий в языках Европы (ср. дискурсивные употребления английского *again* или русское *опять же*). Ср. также некоторые примеры подобного употребления рефактивных маркеров в языках других семей и ареалов: в мбембе (кросс-ривер) [Barnwell 1969: 221] вспомогательный глагол *bira* употребляется в репетитивном значении и в значении «делать в дополнение к другому действию». В камбера (австронезийский) [Klamer 1994: 254] рефактивная клитика *-i* употребляется в значении «к тому же». Во вьетнамском языке упомянутый выше показатель *lại* в препозитивной позиции может иметь значение «кроме того, более того» [Thompson 1965: 348–349].

Тем не менее, дискурсивные употребления такого рода встречаются и у морфологических показателей рефактива. Ср. например, употребления рефактивного суффикса *-b'ay* в языке хуп (изолят, Бразилия) типа (68), описываемые в грамматике [Epps 2008: 660], или употребления рефактивного суффикса *-žə* в адыгейском языке типа (69), упоминаемые в [Аркадьев рукопись]:

(68) хуп (изолят, Бразилия), [Epps 2008: 660]

yúp tih key-d'əh-sak-g'et-pid-ih

that 3SG see-send-stand-DISTR-DECL

núp=b'ay hōd-an tih waŋ-yæt-ni-b'ay-áh

this=AGAIN hole-OBL 3SG spy-lie-be-REF-DECL

‘И собака встает (на задние лапы) у дерева и смотрит... а тот (мальчик), он ложится и заглядывает в нору {с одной и той же целью}’³⁵.

(69) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Аркадьев рукопись: 20]

jež' a-lexwə-k-ew

ja-te-me

сам 3PL.A-видеть-PST-ADV

3PL.POSS-отец-ERG.PL

³⁵ Ср. интерпретацию этого примера в [Epps 2008: 660]: «Here *-b'ay* apparently functions to relate the action of the boy to that of the dog, as simultaneous events (with a common goal) performed by different agents».

q-a-ɣ_we-ʒ'-ew

ze-x-a-xə- ke-r

INV-3PL.A-говорить-REP-ADV REFL-LOC-3SG.IO-слышать-PST-ABS

q-a-ɣ_we-ʒ' təkə

INV-3PL.A-говорить-IPF

‘Они рассказывали то, что сами видели, а также то, что слышали от своих отцов [букв. «то, что они слышали, когда их отцы тоже говорили»]’.

Подобные употребления семантически близки к репетитивным употреблениям рефактивных показателей (‘однократное повторение ситуации’). Различие в том, что если за репетитивным значением стоит две идеи: 1) повторная ситуация аналогична исходной, 2) повторная ситуация следует по времени за исходной, то в данном случае сохраняется идея тождества ситуаций (или скорее — представления ситуаций как тождественных), а следование во времени переосмысливается как следование предикаций в дискурсе.

6.3.2. Консекутивное значение: ‘а потом’. В некоторых языках зафиксировано использование одних и тех же показателей в рефактивной функции и в «консекутивной» (в терминологии [Numan 1971]) функции — для указания на временную (или временную и причинно-следственную) связь ситуаций (‘ситуация1, а потом / тогда / как следствие ситуация2’). «Аддитивный» суффикс *-di/-du* в чадском языке боле [Gimba 2000: 128–134] употребляется в репетитивном значении, а также вводит второе по времени, «дополнительное» действие в прагматически естественных последовательностях действий (*поест и попить, вскопать поле и посадить что-то* и т. п.). Тем же суффиксом оформляется смысловой глагол в инструментальной сериальной конструкции с глаголом ‘брать’ (*взял бревно, обмолотил-REP зерно*). Этот тип употреблений следует, видимо, рассматривать как дальнейшую грамматализацию консекутивного значения (*взял, а потом обмолотил*).

К консекутивным, судя по текстам [Nikolaeva et al. 2000], можно отнести некоторые употребления суффикса *-gi* с широким кругом рефактивных значений в удэгейском языке ³⁶:

³⁶ Тем не менее, в подробной грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001], где семантике данного суффикса посвящен специальный раздел, консекутивные употребления *-gi* не упоминаются.

(70) удэгейский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Nikolaeva et al. 2000: 86]

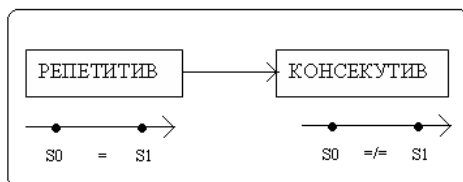
mui-ne-ni *bu-o-k* *mui* *wei-le-ni*
horse-DEST-POSS.3SG give-PST-3PL horse on-LOC-3SG
una-gi-ek *neni-e-ni*
mount-REP-EXPR go-PST-3SG

‘Он дал им лошадь, и они сели-REP на лошадь и усаkali’.

Консекутивное употребление рефактивных показателей, как кажется, в большей степени характерно для неморфологических показателей. Например, в нило-сахарском языке лого [Wright 1995: 72–74] имеется показатель *gò* (называемый в грамматике «subsequence marker»), восходящий к глаголу ‘возвращаться’, который в ненарративном дискурсе выражает рефактивное значение, а в нарративном — консекутивное значение ‘затем, тогда, потом’. В первом случае он выступает как вспомогательный глагол, во втором — как вспомогательный глагол или союз (в препозиции к субъекту). Рефактивное и консекутивное значения имеет показатель *shi'i*, восходящий к глаголу ‘повторять’, в языке тив (тивоидные, [Abraham 1933: 52–53]). «Консекутивная частица» *ar* в океанийском языке атчин [Capell 1980: 82–83] употребляется в репетитивном значении и в консекутивном.

Семантическая связь консекутива с рефактивной зоной вполне прозрачна. Если репетитивное значение предполагает отсылку к аналогичной предшествующей ситуации, то в данном случае происходит такая же отсылка к предшествующей ситуации, но не аналогичной, а логически или прагматически связанной с данной.

Говорить о направлении связи от рефактива к консекутиву позволяют, например, данные тив (диахроническая связь с глаголом ‘повторять’) и лого (диахроническая связь с глаголом ‘возвращаться’). Говорить о связи именно с репетитивом позволяют данные атчин (только репетитивное значение рефактивной зоны).

Важное отличие консекутивных употреблений от репетитивных, заставляющее рассматривать их как дискурсивные, состоит в следующем. Если в значении рефактива показатель может отсылать как к упомянутой ранее, так и к неназванной ситуации (это оказывается возможным, так как исходную ситуацию слушающий может достроить исходя из информации о повторной ситуации), то консекутивные употребления обязательно предполагают отсылку к уже упомянутой ситуации, причем упомянутой в непосредственной близости от данной (в данном случае никакой информации о характере предшествующей ситуации у слушающего нет). Собственно функция консекутивного показателя как раз и состоит в указании на то, что порядок изложения соответствует реальному порядку развития событий.

Видимо, и ограничения на степень линейной близости в тексте, и ограничения на степень и характер связанности предшествующей ситуации с данной существенно различаются в разных языках (например, строже для *-di* в боле, слабее для *gò* в лого), и, тем не менее, вышеназванные случаи представляют, как кажется, однородный класс явлений³⁷.

Необычный тип употреблений рефактивного показателя для выражения временной последовательности ситуаций отмечается в языке эджагам. В отличие от языков, рассмотренных выше, в эджагам формами перфекта, кондиционалиса, гортатива и упоминавшейся выше формой *dependent temporal* (6.1), оформленными рефактивным показателем, маркируется не вторая предикация в паре, связанной временным следованием, а первая ('после того, как ситуация1-REP, ситуация2') [Watters 1981: 405–406]:

- (71) эджагам (бенуэ-конго, экойдные, Нигерия), [Watters 1981: 406]
à-kpɔ̀-bá *è-kádè* *à-àm*
 3PL.PFV-REP-come 1PL.PFV-give CLF-wine
 'Люди приходили и приходили (S1).} И когда они пришли (S1),
 мы дали (им) вина (S2)'.

³⁷ Логично было бы предположить, что возможность консекутивных употреблений должна коррелировать со способностью рефактивного маркера кодировать «неточные повторы ситуации» (см. о типологическом варьировании по этому параметру п. 1.1). Для рефактивного показателя, который способен отсылать к неаналогичной, но схожей ситуации, естественным кажется расширение сферы употребления на контексты с просто предшествующей и логически связанной с данной ситуацией. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Здесь логика употребления рефактивного показателя иная, чем в рассмотренных выше случаях. Данная конструкция предполагает, что ситуация S1 уже упоминалась в предшествующей клаузе (необязательно выраженная тем же глаголом). И именно на это предшествующее упоминание, видимо, иконически указывает показатель рефактива.

6.4. Экспериментивное и эвиденциальное значения

Интересный и неочевидный случай представляют немногочисленные, но отмеченные в целом ряде ареально и генетически далеких языков свидетельства совмещения рефактива с экспериментивным и эвиденциальным значениями. Решение рассматривать эти два типа полисемии в одном разделе продиктовано, с одной стороны, семантической близостью этих двух значений (см., например, [Вострикова 2010]), с другой стороны, тем фактом, что наиболее ярким случаем такого рода является как раз случай совмещения в одном показателе всех трех значений — рефактивного, экспериментивного и эвиденциального. Речь идет о современных китайских диалектах (языках). Так, в экспериментивном ('у участника есть опыт участия в подобных ситуациях') и эвиденциальном инферентивном значении ('логический вывод говорящего о наличии ситуации') употребляется показатель *gwo* в кантонском китайском (подробнее о его употреблении см. [Li 1984]):

(72) кантонский китайский, [Matthews, Yip 1994: 214, 206, 146]

a. *ngóhdeih yiu yáuh tàuh hōichí jouh gwo*
 we need from head begin do REP
 'Нам нужно опять начать с начала'.

b. *léih sihk-gwo yúhchi meih a*
 you eat-REP shark.fin not.yet PRT
 'Ты когда-нибудь ел акулий плавник?'

c. *hóuchíh yáuh yàhn yahp-gwo làih*
 seem have person enter-REP come
 'Кажется, кто-то вошел'.

Его когнаты используются для выражения экспериментивного и инферентивного значений в большинстве китайских языков (см. подробнее [Chappell 2004]). В [Chappell 2004] (со ссылкой на [Huang 1996: 243–244]) упоминается о наличии рефактивных употреблений этого показателя в части из них: в хакка (диалект чантин), в янцзянском диалекте группы юэ, в у (диалект цзиньхуа).

В мандаринском китайском показатель *gwo* (когнат кантонского *gwo*) используется в основном как показатель экспериентива, но может употребляться и в рефактивных контекстах, однако только в сопровождении специального рефактивного наречия.

Как отмечалось выше, показатель *gwo* восходит к глаголу ‘пересекать, переходить’. В [Matthews, Yip 1994: 214] для кантонского китайского предлагается трактовка *gwo*-рефактива и *gwo*-экспериентива как двух разных показателей с различным морфосинтаксическим поведением: *gwo*-экспериентив рассматривается как суффикс, *gwo*-рефактив — как частица (критерий — делимость от глагола). Такая интерпретация склоняет к тому, чтобы предположить параллельное развитие рефактивного значения, с одной стороны, и экспериентивного, с другой стороны, из пространственного пролативного значения. В [Chappell 2004] *gwo* рассматривается как единый показатель, и экспериентивные и рефактивные употребления интерпретируются как диахронически и семантически производные от эвиденциальных.

Семантическая связь рефактива с эвиденциализмом не кажется очевидной, тем не менее, типологическим подтверждением гипотезы Чэппел могут служить данные тотонакского языка тепева-тлачичилько: у рефактивного суффикса *-pal*, чаще всего при употреблении с глаголом ‘сказать’, отмечается эвиденциальная функция (значение цитатива) [Watters 1988: 252]. Отметим, при этом, что для тепева, в отличие от китайского, исходными с очевидностью следует считать рефактивные, а не эвиденциальные употребления, и что в этих двух случаях рефактивное значение совмещается с достаточно далекими друг от друга разновидностями эвиденциального значения.

Не столь загадочной с семантической точки зрения и типологически подтверждаемой большим количеством случаев является непосредственная семантическая связь между рефактивом и экспериентивом. Так, экспериентивные употребления рефактивного суффикса *-je(v)u* в парагвайском гуарани обсуждаются в статье [Герасимов 2011], посвященной семантике этого суффикса. Ситуация в гуарани достаточно сильно отличается от описанной выше ситуации в китайских диалектах. Во-первых, если для показателя *gwo* основным являются экспериентивные употребления, а рефактивные периферийны, то для суффикса *-je(v)u* на-

блюдается обратная картина. Во-вторых, суффикс *-je(v)u* не связан с пролативным значением, и для него невозможно предположить обсуждавшуюся выше опосредованную семантическую связь. Этимологически *-je(v)u* связан с глаголом *-jevu* ‘возвращаться’ и с существительным *je(v)u* ‘раз’. В [Герасимов 2011] в качестве возможного объяснения данного типа полисемии предлагается связь репетитивного и экспериентивного значения через семантику существительного ‘раз’ (ср. *раз, как-то раз, один раз* как показатели экспериентива в русском: *был я раз в Парагвае*). Синхронные данные допускают интерпретацию, при которой *-je(v)u*-рефактив диахронически восходит к конструкции с глаголом ‘возвращаться’ (самый частотный источник грамматикализации для рефактивных маркеров), а *-je(v)u*-экспериентив — к конструкции с существительным ‘раз’ (аналогичной русской). Интерпретация, при которой оба значения развиваются из существительного ‘раз’, кажется менее правдоподобной. Для рефактивных маркеров это менее частотный лексический источник, чем глагол ‘возвращаться’, хотя и возможный (ср. выражение *еще раз* в русском). При этом для показателя, развившегося из существительного ‘раз’, естественно предполагать репетитивное значение, теснее всего связанное с семантикой этого слова (‘сделать дополнительный раз’), тогда как суффикс *-je(v)u* обладает не только репетитивным значением, но и реститутивным и редитивным значениями, семантически близкими к глаголу ‘возвращаться’ и диахронически, как правило, предшествующими репетитивному значению. Можно, наконец, предположить и развитие экспериентивного значения из рефактивного. Как бы то ни было, на синхронном уровне в гуарани, как и в китайских диалектах, наблюдается полисемия рефактива и экспериентива.

Свидетельства полисемии рефактива с экспериентивом находятся также для неморфологических показателей. В языке белых мяо (ареально близком китайскому) наречие *dua* используется для выражения репетитивного значения (часто в комбинации с частицей *rov*). Это же наречие в контексте показателя перфекта *tau* используется для выражения экспериентивного значения («иметь случай сделать что-л.»³⁸) [Mottin 1978: 89, 108]. Экспериентивные употребления отмечаются, судя по примерам из грамматики [Harrison 1976: 187], у рефактивной частицы

³⁸ «avoir l’occasion de...» [Mottin 1978: 108].

pel в океанийском языке мокил. Наконец, в океанийском языке тинрин [Osumi 1995: 189] наблюдается нетождественный вышеописанным, но близкий тип полисемии. Частица *sau* (букв. *sa* ‘один’ + *u* ‘раз’) употребляется, с одной стороны, в репетитивном значении, с другой стороны, в значении ‘один раз, однажды’, близком к экспериентивному.

7. Заключение

Итогом данного исследования можно считать выявление круга значений, проявляющих склонность к совмещению с рефактивными, и предположения об их семантических связях с рефактивной зоной.

С пространственными значениями рефактивная зона смыкается прежде всего через значение редитива, реже наблюдаются диахронические или синхронные связи с пролативом. Иногда рефактивное значение совмещается со значением сопутствующего движения, связанным с обратным движением.

Будучи связанной с повторением ситуации, рефактивная зона смыкается с другими значениями глагольной множественности, хотя полисемия с этими значениями не так частотна, как можно было бы ожидать. Отмечаются случаи совмещения рефактивного значения с мультипликативным и итеративным значениями, с дистрибутивом, а также случаи использования рефактивных показателей в хабитуальных и близких к хабитуальным контекстам. Возможны также случаи полисемии с некоторыми периферийными глагольными значениями: разными типами интенсивного значения и со значением реверсива.

С аспектуальной зоной рефактив смыкается через значения, связанные с фазой ситуации: для рефактива характерна прежде всего полисемия с континуативом.

Как глагольный и не глагольный, рефактивный показатель может использоваться как основной или вспомогательный маркер интерпретирующей актантной деривации — в рефлексивных и реципрокальных конструкциях разного типа, а также для выражения значения рефлексивного бенефактива.

Частотным типом полисемии является для рефактива полисемия с модально-дискурсивными значениями. В частности, рефактивный показатель может иметь употребления, связанные с неожиданностью ситуации, противоречием ожиданиям. Для некоторых языков характерно употребление рефактивных

маркеров для указания на кульминацию в нарративе. Рефактивные показатели часто используются как средства организации дискурса — для отражения разного рода временной или логической связи ситуаций, для неморфологических рефактивных показателей известны случаи грамматикализации в союзы. Интересный случай представляют немногочисленные свидетельства пересечения рефактивной зоны с эвиденциальными и экспериментальными значениями.

Для большинства рассмотренных типов полисемии рефактивное значение является исходным, а не производным (естественное исключение — пространственные значения). Из частных значений рефактивной зоны самыми продуктивными источниками семантических переносов кажутся редитивное значение (принадлежащее к пространственной сфере — самому естественному источнику метафор) и репетитивное (центральное значение рефактивной зоны).

Сокращения

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; 3 — 3 лицо; А — агенс переходного глагола; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ACT — активный глагол; ACTV — деятельность; ADESS — адэссив; ADJUNCT — adjunct; ADV — наречие; AGT — агентивный падеж; ALL — аллатив; AOR — аорист; APPL — аппликатив; APS — антипассив; ART — артикль; ASP — аспект; ASS — сопутствующее движение; ASSOC — ассоциатив; ASSERT — асепертив; ATTR — атрибутив; AUG — аугментатив; CAUS — каузатив; CLF — классификатор; COMP — комплементаризер; COMPL — комплетив; CON — конатив; CONJ — союз; CONT — континуатив; CONTRAST — контрастивность; CONV — деепричастие; COP — копула; CSO — cosubordination; DECL — декларатив; DEF — определенность; DEL — делимитатив; DEM — демонстратив; DEP — таксисная форма; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DISTPST — давнопрошедшее время; DISTR — дистрибутив; DS — нетождественный субъект; DU — двойственное число; EMPH — эмфаза; EPEN — эпентеза; ERG — эргатив; EVID — эвиденциальность; EXCL — эксклюзив; EXPR — экспрессив; F — женский род; FUT — будущее время; HAB — хабишуалис; IMP — императив; IN — локализация in; INC — инцептив; INCH — инхоатив; INCOMPL — инкомплетив; IND — индикатив; INF — инфинитив; INSTR — инструмент; INT — интенционал; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; LNK — соединительная частица; LOC — локатив; M — мужской род; MID — медиальный залог; MOD — модальность; NEG — отрицание; NEW — новый топик; NMLZ — номинализация;

NOM — номинатив; NONFUT — небудущее время; NONPST — непрочешее время; NTR — нейтральный видо-временной показатель; OBJ — объект; OBL — обликсвус; P — пациенс переходного глагола; PASS — пассив; PAUS — граница фонетического слова; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессив; POT — потенциалис; PREF — префикс; PREP — предлог; PRES — настоящее время; PRF — перфект; PROG — прогрессив; PRON — местоимение; PROX — проксиматив; PST — прочешее время; PTCP — причастие; Q — вопрос; RDPL — редупликация; REAL — реалис; RECIP — реципрок; REDIT — редитив; REFL — рефлексив; REL — релятивизатор; RPT — репортатив; SBJ — субъект; SBRD — подчиненная клауза; SEQ — консекутив; SG — единственное число; SIM — одновременность; SS — тождественный субъект; STEM — основа; STV — статив; SURPR — неожиданность; TAM — время-вид-модальность; TERM — терминатив; TNS — дефолтное время; TOP — топик; VRBLZ — вербализатор.

Литература

- Абитов и др. 1957 — М. Л. Абитов и др. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин, 1961. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Аврорин, Болдырев 2001 — В. А. Аврорин, Б. В. Болдырев. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
- Аркадьев рукопись — П. М. Аркадьев. Аспектуальная деривация в адыгейском языке: к постановке проблемы (рукопись).
- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериментального значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива. // Плунгян, В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002.
- Герасимов 2011 — Д. В. Герасимов. Рефактив в парагвайском гуарани: семантика и грамматикализация // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII, ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 489–516.
- Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960.
- Кибрик 2008 — А. А. Кибрик. Пропозициональная деривация и атабаскские языки // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.) Глагольная деривация. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 127–148.
- Коваль, Зубко 1986 — А. И. Коваль, Г. В. Зубко. Язык фула. М.: 1986.

- Коваль, Нялибули 1997 — А. И. Коваль, Б. А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари, 1997.
- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Махмудова 2001 — С. М. Махмудова. Морфология рутульского языка. М.: Советский писатель, 2001.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II. М.; Вена: Языки русской культуры, 1998.
- Оненко 1977 — С. Н. Оненко. Значение суффикса -го/-гу в современном нанайском языке // Исследования по языкам народов Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск: Наука, 1977.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Плунгян 1992 — В. А. Плунгян. Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М.: ИЯз РАН, 1992.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации. // В. А. Плунгян (ред.), Исследования по теории грамматики, вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002. С 57–98.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Рогава, Керашева 1966 — Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского литературного языка. Краснодар — Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1966.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные актуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.
- Abraham 1933 — R. C. Abraham. The grammar of Tiv. Kaduna: Gov. Print, 1933.
- Adelaar 2005 — K. A. Adelaar. Salako or Badamea: sketch grammar, text and lexicon of a Kanayatn dialect in West Borneo. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005.
- Aikhenvald 1998 — A. Yu. Aikhenvald. Warekena // D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (eds.) Handbook of Amazonian languages. Vol. 4. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

- Allen 1987 — J. Allen. *Halia grammar*. Ukarumpa, Papua New Guinea: Summer Institute of Linguistics, 1997.
- Ameka 2008 — F. K. Ameka. Aspect and modality in Ewe: a survey // F. K. Ameka, M. E. Kropp Dakubu (eds.). *Aspect and modality in Kwa languages*. Amsterdam: Benjamins, 2008.
- Arnott 1970 — D. W. Arnott. *The nominal and verbal system of Fula*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Axelrod 1990 — M. Axelrod. *The semantics of temporal categorization: the aspectual system of Koyukon Athabaskan*. Ann Arbor: UMI, 1990.
- Barnwell 1969 — K. G. R. Barnwell. *A grammatical description of Mbembe (Adun dialect): a cross river language*. Diss. Univ. of London. London, 1969.
- Bauer 1999 — W. Bauer. *Maori*. London: Routledge, 1999.
- Bauer, Hartmut 2006 — Ch. Bauer, R. Hartmut. *Morphology and syntax of spoken Mon*. Boston, Spa: British Library Document Supply Centre, 2006.
- Beck 2005 — S. Beck. There and Back Again: A Semantic Analysis // *Journal of Semantics*, 22, 2005. P. 3–51.
- Breedveld 1995 — J. O. Breedveld. *Form and meaning in Fulfulde: a morphophonological study of Maasinankoore*. Leiden: CNWS, 1995.
- Bright 1957 — W. Bright. *The Karok language*. Berkeley: Univ. of California Press, 1957.
- Broadwell 2006 — G. A. Broadwell. *A Choctaw reference grammar*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2006.
- Capell 1980 — A. Capell. *Materials in Atchin, Malekula: grammar, vocabulary, and texts*. Canberra: Dept. of Linguistics, Research School of Pacific Studies, Australian Natl. Univ., 1980.
- Carlson 1994 — R. Carlson. *A grammar of Supyire*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.
- Chappell 2004 — H. Chappell. Typology of evidential markers in Sinitic languages // H. Chappell (ed.). *Chinese grammar: synchronic and diachronic perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 56–84.
- Chatelain 1888 — H. Chatelain. *Grammatica elementar do Kimbundu ou lingua de Angola*. Geneva, 1888.
- Coupe 2007 — A. R. Coupe. *A grammar of Mongsen Ao*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Coupez 1985 — A. Coupez. *La dérivation verbale en Rwanda* // Y. Cadiou (ed.). *Le Kinyarwanda: études de morpho-syntaxe*. Louvain: Peeters, 1985.
- Crowley 1978 — T. Crowley. *The middle Clarence dialects of Bandjalang*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1978.
- Crowley 1982 — T. Crowley. *The Paamese language of Vanuatu*. Canberra: Australian National University, 1982.

- Crowley 1998 — T. Crowley. *Erromangan (Sye) grammar*. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 1998.
- Crowley 2006 — T. Crowley. *Naman: a vanishing language of Malakula (Vanuatu)*. Canberra: Australian National University, 2006.
- Cruse 1997 — D. A. Cruse. *Lexical semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Cusic 1981 — D. Cusic. *Verbal plurality and aspect*. Diss. Stanford: Stanford University, 1981.
- Daeleman 2003 — J. Daeleman. *Notes grammaticales et lexique du Kiholu*. München: LINCOM Europa, 2003.
- Dammann 1957 — E. Dammann. *Studien zum Kwangali: Grammatik, Texte, Glossar*. Hamburg: De Gruyter, 1957.
- Dammann 1959 — E. Dammann. *Inversiva und Repetitiva in Bantusprachen*. Afrika und Übersee 43, 1959. P. 116–127.
- Davis 2003 — K. Davis. *A grammar of Hoava language, Western Solomons*. Canberra: Pacific Linguistics, 2003.
- De Wolf 1987 — P. De Wolf. *Further verbal extensions in Nonjaare Fulani: Reciprocal, iterative, iterative-reciprocal and verbalizing extensions* // Afrika und Übersee 70, 1987. P. 61–72.
- Dembetembe 1987 — N. C. Dembetembe. *A linguistic study of the verb in Korekore*. Harare: Univ. of Zimbabwe, 1987.
- Donazzan, Mardale 2007 — M. Donazzan, A. Mardale. *Romanian 'mai' as an additive particle*. Talk delivered at Formal Semantics in Moscow IV, 2007.
- Dressler 1968 — W. Dressler. *Studien zur verbalen Pluralität*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.
- Duff-Tripp 1997 — M. Duff-Tripp. *Gramática del idioma yanesha' (amuesha)*. Lima, Perú: Inst. Lingüístico de Verano, 1997.
- Elders 2007 — S. Elders. *Complex verb morphology in Kulango (Gur): Similarities and dissimilarities with Bantu* // SOAS Working Papers in Linguistics. Vol. 15. 2007. P. 187–200.
- Elders 2008 — S. Elders. *Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire)*. Köln: Köppe, 2008.
- Evans 1995 — N. Evans. *A-quantifiers and scope in Mayali* // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.) *Quantification in natural languages*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995.
- Ezard 1997 — B. Ezard. *A grammar of Tawala, an Austronesian language of the Milne Bay Area, Papua New Guinea*. Canberra: Australian National University, 1997.
- Fabricius-Hansen 2001 — C. Fabricius-Hansen. «Wi(e)der» and «Again(st)» // C. Féry, W. Sternefeld (eds.) *Audiatur Vox Sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow*. Berlin: Akademie-Verlag, 2001. P. 101–130.

- Feldpausch, Feldpausch 1992 — T. Feldpausch, B. Feldpausch. Namia grammar essentials. Ukarampa: SIL, 1992.
- Fivaz 1986 — D. Fivaz. A reference grammar of Oshindonga. Windhoek: The Academy at the University of Namibia, 1986.
- Flier 1985 — M. S. Flier. Syntagmatic constraints on the Russian prefix *pere-* // M. S. Flier, R. D. Brecht (eds.). Issues in Russian morphosyntax. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985.
- Fortune 1955 — G. Fortune. Analytical grammar of Shona. London: Longman, Green and Co, 1955.
- Frajzyngier 2002 — Z. Frajzyngier. A grammar of Hdi. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Geytenbeek, Geytenbeek 1971 — B. Geytenbeek, H. Geytenbeek. Gidabal grammar and dictionary. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1971.
- Gimba 2000 — A. M. Gimba. Bole verb morphology. Ann Arbor: UMI, 2000.
- Glidden 1984 — S. H. Glidden. The Koh verbal system. Grand Forks: Univ. of North Dakota, 1984.
- Granberry 1993 — J. Granberry. A grammar and dictionary of the Timucua language. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press, 1993.
- Grinevald 1990 — C. G. Grinevald. A grammar of Rama. Lyon: Univ. de Lyon, 1990.
- Hargus 2007 — Sh. Hargus. Witsuwit'en grammar: phonetics, phonology, morphology. Vancouver: UBC Press, 2007.
- Harrison 1976 — Sh. P. Harrison. Mokilese reference grammar. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1976.
- Hoffmann 1955 — C. F. Hoffmann. Untersuchungen zur Struktur und sprachlichen Stellung des Bura. Hamburg: Univ., 1955.
- Hoffmann 1963 — C. F. Hoffmann. A grammar of the Margi language. London: Oxford Univ. Press, 1963.
- Huang 1996 — B. Huang. Concordance of Chinese dialect grammar. Cingdao: Cingdao Publishers, 1996.
- Huang 2005 — Ch. Huang. Aktionsart and Aspect in Qiang. Paper delivered at The 2005 International Course and Conference on RRG, Academia Sinica, Taipei, June 26-30, 2005.
- Hulstaert 1965 — G. Hulstaert. Grammaire du Lomongo. Tervuren: Musée Royale d'Afrique Centrale, 1965.
- Hyman 1971 — L. M. Hyman. Consecutivization in Fe'fe' // Journal of African Languages 10, 1971.
- Hyman 1981 — L. M. Hyman. Noni grammatical structure: with special reference to verb morphology. Los Angeles: Dept. of Linguistics, Univ. of Southern California, 1981.

- Hyman 2007 — L. M. Hyman. Niger-Congo verb extensions: overview and discussion // D. L. Payne, J. Peca (eds.). Selected proceedings of the 37th Annual conference on African linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 149–163.
- Hyslop 2001 — C. Hyslop. The Lolovoli dialect of the North-East Ambae language, Vanuatu. Canberra: Australian National University, 2001.
- Johnston 1980 — R. L. Johnston. Nakanai of New Britain: the grammar of an Oceanic language. Canberra: Dept. of Linguistics, Research School of Pacific Studies, The Australian Natl. Univ., 1980.
- Jones 1998 — A. A. Jones. Towards a lexicogrammar of Mekeo (an Austronesian language of West Central Papua). Canberra: Australian National Univ., 1998.
- Kabuta 1998 — N. S. Kabuta. Het Cilubà werkwoord: morphologie. Gent: RECALL, 1998.
- Kaumba Kawasha 2003 — B. Kaumba Kawasha. Lunda grammar: a morpho-syntactic and semantic analysis. Ann Arbor: UMI, 2003.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Kite, Wurm 2004 — S. Kite, S. Wurm. Duungidjawa language of southeast Queensland: grammar, texts and vocabulary. Canberra: Australian National University, 2004.
- Klamer 1994 — M. A. Klamer. Kambara: a language of Eastern Indonesia. Den Haag: Holland Academic Graphics, 1994.
- Kung 2007 — S. S. Kung. A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua. Ann Arbor: UMI, 2007.
- Laman 1934 — K. E. Laman. Grammar of the Kong language (Kikongo). New York: The Christian Alliance Pub. Co, 1934.
- Letuchiy 2007 — A. Letuchiy. Reciprocals, reflexives, comitatives and sociatives in Adyghe // V. P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 773–812.
- Li 1984 — Ch.-Sh. Li. Etude du système aspectuel en chinois Cantonais: le marqueur guo. Besançon: Université de Franche-Compte, 1984.
- Lichtenberk 1991 — F. Lichtenberk. Semantic change and heterosemy in grammaticalization // *Language* 67, 3, 1991. P. 474–509.
- Lincoln 1976 — P. C. Lincoln. Describing Banoni — an Austronesian language of Southwest Bougainville. Diss. Ann Arbor: UMI, 1976.
- Linn 2000 — M. S. Linn. A grammar of Euchee (Yuchi). Ann Arbor: UMI, 2000.
- Lodhi 2002 — A. Y. Lodhi. Verbal extensions in Bantu (the case of Swahili and Nyamwezi) // *Africa and Asia*. Vol. 2, 2002. P. 4–26.
- Lüpke 2005 — F. Lüpke. A grammar of Jalonke argument structure. Nijmegen: MPI, 2005.

- Maisak, Merdanova 2011 — T. Maisak, S. Merdanova. Repetitive prefix in Agul and its areal/genetic background. Talk delivered at Conference on Caucasian Languages, Leipzig, Mai 13–15, 2011.
- Margetts 1999 — A. Margetts. Valence and transitivity in Saliba, an Oceanic language of Papua New Guinea. Nijmegen: MPI, 1999.
- Matthews, Yip 1994 — S. Matthews, V. Yip. Cantonese: a comprehensive grammar. London: Routledge, 1994.
- McGregor 1990 — W. B. McGregor. A functional grammar of Gooniyandi. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990.
- Minde 1997 — D. von Minde. Malayu Ambong: Phonology, morphology, syntax. Leiden: Research School CNWS, 1997.
- Mithun 1988 — M. Mithun. The Grammaticization of coordination // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 331–359.
- Möhlig, Kavari 2008 — W. J. G. Möhlig, J. U. Kavari. Reference grammar of Herero (Otjiherero). Cologne: Köppe, 2008.
- Mok 1964 — Q. Mok. Le préfixe re- en français moderne: essai d'une description synchronique // *Neophilologus* 48, 1, 1961. P. 97–114.
- Morgan 1996 — D. R. Morgan. Overview of grammatical structures of Ndut: a Cangin language of Senegal. Arlington: Univ. of Texas at Arlington, 1996.
- Mottin 1978 — J. Mottin. Eléments de grammaire hmong blanc. Bangkok: Don Bosco Press, 1978.
- Moyse-Faurie 2008 — C. Moyse-Faurie. Constructions expressing middle, reflexive and reciprocal situations in some Oceanic languages // V. Gast, E. König (eds.). Reciprocals and reflexives: Cross-linguistic Explorations. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 105–168.
- Newman 1990 — P. Newman. Nominal and verbal plurality in Chadic. Dordrecht: Foris Publications, 1990.
- Nikolaeva et al. 2003 — I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya, M. Tolskaya. Udeghe texts. Osaka: ELPR, 2003.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Noss 1954 — R. B. Noss. An outline of Siamese grammar. Diss. Ann Arbor: UMI, 1954.
- Osumi 1995 — M. Osumi. 1995. Tinrin grammar. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1995.
- Patz 2002 — E. Patz. A grammar of the Kuku Yalanji language of north Queensland. Canberra: Australian National University, 2002.
- Poulos 1990 — G. Poulos. A linguistic analysis of Venda. Pretoria: VIA Afrika Ltd, 1990.
- Poulos, Louwrens 1994 — G. Poulos, L. J. Louwrens. A linguistic analysis of Northern Sotho. Pretoria: VIA Afrika Ltd, 1994.

- Randoja 1990 — T. K. Randoja. The phonology and morphology of Halfway River Beaver. Ann Arbor: UMI, 1990.
- Rice 2000 — K. Rice. Morpheme order and semantic scope: word formation in the Athapaskan verb. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Sakel 2004 — J. Sakel. A grammar of Mosetén. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Schadeberg 1982 — T. C. Schadeberg. Les suffixes verbaux séparatifs en Bantou // *Sprache und Geschichte in Afrika* 4, 1982. P. 55–66.
- Schadeberg 2003 — T. C. Schadeberg. Derivation // D. Nurse, G. Philippson (eds.). *The Bantu languages*. London: Routledge, 2003. P. 71–89.
- Schladt 2000 — M. Schladt. The typology and grammaticalization of reflexives // Z. Frajzyngier, T. S. Curl (eds.). *Reflexives: Forms and Functions*. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 103–124.
- Sharpe 2005 — M. C. Sharpe. Grammar and texts of the Yugambeh-Bundjalung dialect chain in Eastern Australia. München: LINCOM Europa, 2005.
- Smalley 1961 — W. A. Smalley. Outline of Khmu structure. New Haven, CT: American Oriental Society, 1961.
- Smeets 2007 — I. Smeets. A grammar of Mapuche. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Smith 1964 — E. W. Smith. A handbook of the Ila language. Ridgewood, NJ: Gregg Press, 1964.
- Smith 1978 — L. R. Smith. A survey of the derivational postbases of Labrador Inuttut (Eskimo). Ottawa: National Museums of Canada, 1978.
- Smith 2000 — C. S. Smith. The semantics of the Navajo verb base // T. B. Fernald, P. Platero (eds.). *The Athabaskan languages: perspectives on a native American language family*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Soukka 2000 — M. Soukka. A descriptive grammar of Noon: a Cangin language of Senegal. München: LINCOM Europa, 2000.
- Sow 1966 — A. I. Sow. Remarques sur les infixes de dérivation dans le Fulfulde du Foûta-Djalon // *The journal of West African languages* 3, 1966. P. 13–21.
- Swift 1988 — K. E. Swift. Morfología del Caquinte (Arawak Preandino). Yarinacocha: Instituto Lingüístico de Verano, 1988.
- Tenenbaum 1978 — J. M. Tenenbaum. Morphology and semantics of the Tanaina verb. Ann Arbor: UMI, 1978.
- Thompson 1965 — L. C. Thompson. A Vietnamese grammar. Seattle: Univ. of Washington Press, 1965.
- Tjia 2007 — J. Tjia. A grammar of Mualang. Utrecht: LOT, 2007.
- Tovena, Donazzan 2008 — L. M. Tovena, M. Donazzan. On ways of repeating // *Recherches linguistiques de Venciennes* 37, 2008.

- Trifkovic 1969 — M. Trifkovic. *Le mancagne: étude phonologique et morphologique*. Dakar: Institut fondamental d'Afrique noire, 1969.
- Vogel 2006 — A. Vogel. *Jarawara-English dictionary*. Cuiabá: Sociedade Internacional de Lingüística, 2006.
- von Stechow 1996 — A. von Stechow. The different readings of Wieder “Again”: A structural account // *Journal of Semantics* 13, 1996.
- Voort 2004 — H. van der Voort. *A Grammar of Kwaza*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same // *Studies in Language* 30, 1, 2006. P. 69–113.
- Watanabe 2003 — H. Watanabe. *A morphological description of Sliammon, Mainland Comox Salish*. With a sketch of syntax. Osaka: ELPR, 2003.
- Watters 1981 — J. R. Watters. *A phonology and morphology of Ejagham: with notes on dialect variation*. Ann Arbor: UMI, 1981.
- Watters 1988 — J. K. Watters. 1988. *Topics in Tepehua grammar*. Ann Arbor: UMI, 1988.
- Westphal et al. 1974 — E. O. J. Westphal, J. R. Masiea, S. M. Tindleni, H. M. Jimba, I. V. Mzileni, M. T. Matiela. The verbal extensions in Southern Bantu languages: A descriptive and comparative classification // *Bulletin of the school of oriental and African studies, University of London*, 37, 1 *In Memory of W. H. Whiteley*, 1974. P. 213–222.
- White 1949 — Ch. M. N. White. *A short Lwena grammar*. London: Longmans, 1949.
- Wichmann 1992 — S. Wichmann. A semantic framework for Azoyú Tlapanec Iterative // *Acta linguistica Hafniensia* 25, 1992.
- Wilkins 1989 — D. R. Wilkins. *Mparntwe Arrernte (Aranda): studies in the structure and semantics of grammar*. Canberra: ANU, 1989.
- Williams 1957 — H. W. Williams. *A dictionary of the Maori language*. Wellington: Owen, 1957.
- Wood 2007 — E. J. Wood. *The semantic typology of pluractionality*. PhD Diss. Berkeley: University of California, 2007.
- Wright 1995 — D. S. Wright. *The verbal system of Logo (Logoti)*. Ann Arbor: UMI, 1995.
- Young 2000 — R. W. Young. *The Navajo verb system: an overview*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2000.